

Народная
книга

Автор-составитель
**Александра
Маринина**

**Были
90-х**

**ТОМ 2
Эпоха
лихой
святости**

**Коллектив авторов
Александра Маринина
Были 90-х. Том 2.
Эпоха лихой святости
Серия «Народная книга»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27340352

Были 90-х. Том 2. Эпоха лихой святости / авт.-сост. Александра

Маринина: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-04-089697-4

Аннотация

Трудно найти человека, который бы не вспоминал пережитые им 90-е годы прошлого века. И каждый воспринимает их по-разному: кто с ужасом или восхищением, кто с болью или удивлением... Время идет, а первое постсоветское десятилетие всё никак не отпускает нас. Не случайно на призыв прислать свои воспоминания откликнулось так много людей. Сто пятьдесят историй о лихих (а для кого-то святых) 90-х буквально шквалом ворвались в редакцию! Среди авторов – бывшие школьники, военные, актеры, бизнесмены, врачи, безработные, журналисты, преподаватели. В этой пронзительной коллективной исповеди нет ни грамма художественного вымысла или политической

пропаганды, радужных мифов или надуманных страшилок. Всё написано предельно искренне, слова идут от души, от самого сердца! И вот результат: уникальные свидетельства очевидцев, самый компетентный, живой и увлекательный документ эпохи. Эта поистине народная книга читается на одном дыхании. Опубликованные здесь рассказы, эссе и зарисовки – подлинная реальность, которую сегодня трудно найти на ТВ и в кино, которую вряд ли рискнут издать журналы и газеты.

Содержание

Благодарности	8
Предисловие от автора-составителя Александры Марининой	12
Об одном и том же	16
Дефолт 1998 года	16
Саша Беляев	16
Молодые миллионеры, или Прожить на \$8 в месяц	16
Владимир Гуга	23
Как было дело	23
Детские конкурсы	29
Елена Кладова	29
Суперприз	29
Лариса Ратич	32
Рука спонсора	32
В Польшу за товаром!	39
Гая Валерова	39
Контрабанда	39
Ирина Александрова	47
Ода клетчатой сумке	47
На «счетчике»	56
Роберт Ягафаров	56
Счетчик	56

Наталья Станчина	58
Покоритель Сибири	59
Живые звезды	62
Рита Волкова	62
Светка, сникерс и Агутин	62
Оксана Ястремская	65
Тур вальса	65
Утраченные иллюзии	68
Наталья Станчина	68
Наталья Станчина	73
Немыслимое	76
Инна Иохвидович	76
Настоящие «герои безгеройного» времени	76
Лариса Петрашевич	79
Педиатрическая поэма	79
Вот оно, «заграничное»!	83
Ната Хаммер	83
Горячие собаки	83
Олег Жданов	87
Футболка	87
Нельзя оставлять человека в беде	91
Марат Валеев	91
Кровные узы	91
Надежда Рябова	95
Нельзя оставлять человека в беде	95
Николай Зайцев	99

Просветление	99
Мы стали для них чужими	107
Елена Нимчук	107
Никогда не забуду	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Были 90-х. Том 2.

Эпоха лихой святости

© Алексеева М.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

*** * ***

Благодарности

Выражаем благодарность всем авторам сборника и партнерам за помощь в создании и популяризации книги:

За эксклюзивное интервью, экспертное мнение и участие во встречах с участниками конкурса историй и авторами сборника благодарим:

писателя, журналиста, преподавателя, литературного обозревателя газеты «Комсомольская правда» Олега Жданова;

историка-медиевиста, заслуженного профессора Российского государственного гуманитарного университета, доктора исторических наук Наталью Басовскую;

музыканта, продюсера, писателя, лидера и основателя культовой группы «Мегаполис» Олега Нестерова;

писателя Владимира Карпова;

писателя Анну Берсеневу;

писателя Владимира Сотникова;

писателя Юрия Буйду;

музыканта, народного артиста России Юрия Розума;

режиссера, народного артиста РСФСР Владимира Меньшова;

писателя, драматурга Юрия Полякова;

певицу Маргариту Суханкину;

певца Андрея Губина;

телеведущую Александру Буратаеву;
певца, народного артиста РСФСР Льва Лещенко;
протоиерея Всеволода Чаплина;
писателя, ведущего программы «Умницы и умники», за-
ведующего кафедрой мировой литературы и культуры фа-
культета «Международная журналистика» МГИМО Юрия
Вяземского;
режиссера и писателя Владимира Аленикова;
руководителя Российского медико-реабилитационного
центра заболеваний опорно-двигательного аппарата, акаде-
мика, профессора, доктора биологических наук, народного
артиста России Валентина Дикуля;
космонавта-испытателя Павла Виноградова;
писателя, ученого-востоковеда, экономиста, основателя и
президента независимого научного центра «Институт Ближ-
него Востока», профессора Евгения Сатановского;
актера театра и кино Владимира Пермякова;
сеть «Московский дом книги» за популяризацию и рас-
пространение книг, посвященных 90-м годам, и проведение
творческих встреч с автором-составителем сборника «Были
90-х» Александрой Марининой.

Особая благодарность Ирине Козловой и Кларисе Пуль-
сон за все творческие инициативы и усилия по поддержке
проекта на всем его протяжении и во всех его проявлениях.
Интервью и комментарии наших экспертов вы можете
прочитать на сайте «Народная книга»

<http://nk.ast.ru/>

Особая благодарность Московскому дому книги и его руководителю Надежде Ивановне Михайловой за проведение встреч с автором-составителем сборника, организацию тематической выставки-продажи книг о жизни в 90-е годы и активное вовлечение читателей в народный проект «Были 90-х». за проведение встреч с автором-составителем сборника, организацию тематической выставки-продажи книг о жизни в 90-е годы и активное вовлечение читателей в народный проект «Были 90-х».

Специальные благодарности:

За организацию акции «90-е года за 1 день» и сбор историй для книги благодарим начальника отдела методической работы и инноваций ГБУК г. Москвы «ЦБС «Новомосковская» Александру Стеркину, директора Центральной библиотеки № 21 ЦБС САО ГБУК г. Москвы Дарью Белену и начальника отдела маркетинга и рекламы ЦБС САО ГБУК г. Москвы Жанну Хохлову.

За информационно-рекламную поддержку проекта благодарим Межгосударственную телерадиокомпанию «МИР» и лично руководителя службы интернет-вещания Марию Чегляеву, а также редакцию журнала «Антенна-Телесемь» и лично заместителя главного редактора Станислава Бабицкого за информационную поддержку и помощь в сборе историй.

БЛАГОДАРИМ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА

«НАРОДНАЯ КНИГА. БЫЛИ 90-Х»!

Все истории конкурсантов опубликованы на сайте «Народная книга» <http://nk.ast.ru/>

Предисловие от автора-составителя Александры Марининой

Когда меня пригласили стать автором-составителем сборника народных историй «Были 90-х», многие знакомые искренне мне сочувствовали: «Тебе будет очень тяжело, на тебя обрушится поток рассказов о горе, унижении, обнищании, о разочарованиях и рухнувших надеждах, о войне, о преступлениях и мерзостях...» Честно признаться, я поверила этим предупреждениям и внутренне мобилизовалась, готовилась не утонуть в море слез и горестных воспоминаний.

Но оказалось, что меня обманули. И я сама тоже обманулась. Чему я – признаюсь искренне – невероятно рада! Через четверть века люди вспоминают девяностые годы прошедшего столетия, как правило, без ужаса и трагизма. Это не значит, что они забыли. Они все помнят. Но прошло время, и даже на самое тяжкое, самое печальное мы умеем взглянуть порой спокойно, а порой даже с улыбкой. Моря слез не случилось. Случилось прикосновение к мудрости, к человеческому, личностному взрослению, к обретению нового взгляда, нового понимания каких-то вещей, событий, чувств и мыслей.

В разделе «И все рухнуло...» собраны истории о том, как полетели под откос надежды и ожидания, планы и расчеты, уверенность в завтрашнем дне и преданность выбранной любимой профессии. Название раздела «Мы выживали и выжили!» говорит само за себя и в комментариях не нуждается, как не нуждается в комментариях и раздел «Война». В разделе «Бизнес по-русски и не только» – пестрая картина успешных и неуспешных попыток заработать деньги предпринимательством, чаще всего – торговлей и перегоном подержанных автомашин из Европы.

Читая присланные истории, нельзя было не обратить внимания на то, как по-разному видят эпоху девяностых люди в зависимости от возраста: те, кто был ребенком, ощущают эти годы совсем не так, как те, кто проживал в этот период свою молодость, и уж тем более совсем не так, как люди зрелого и старшего возраста, выросшие и сформировавшиеся в «доперестроечное» советское время. Иллюстрация этого – раздел «Взгляд с разной высоты».

Да, взгляд с высоты разного возраста – разный. Но и взгляд на одни и те же события или проблемы с разных точек зрения, с позиций разных жизненных ситуаций тоже не одинаков. В разделе «Об одном и том же» истории объединены в пары и тройки: казалось бы, рассказы на одну и ту же тему, а насколько же они отличаются друг от друга! Отличаются и фактурой, и настроением, и финалом.

«Железный занавес» отменили, свободный выезд за гра-

ницу дали! И мы столкнулись с той самой жизнью, которую знали только по кинофильмам и книгам и увидеть которую собственными глазами, пощупать собственными руками зачастую даже не надеялись. Чего только мы не представляли об этой жизни! А оказалось, что все, мягко говоря, не совсем так... И огромное изумление наше, когда мы вдруг поняли, что такое разность менталитетов: ни мы иностранцев не понимаем, ни они нас. Истории о первых столкновениях с «вождем заграничной», о первых впечатлениях, восторгах и разочарованиях – в разделе «Все не так, все не такие».

«Крупным и мелким мазком» – это зарисовки. Ситуаций, впечатлений, судебных, эмоций – всего, чего угодно. Это просто истории. О некоторых из них вы можете сказать: ну и что особенного? Такое могло случиться где угодно и когда угодно, не обязательно в 90-е и не обязательно в России. Возможно, вы будете правы, если так подумаете. Но мне кажется, эти истории не могли бы произойти, если бы не соединились воедино необходимые составляющие: перемены в стране и присущая только нашему человеку ментальность.

Число историй, рассказанных с улыбкой, оказалось столь велико, что лучшие из них собраны в отдельную рубрику. Очень надеюсь, что чтение этой главы сборника поднимет читателю настроение. И в самом конце книги – несколько текстов, которые словно подводят итог, отвечая на вопрос: так какими же все-таки были эти пресловутые 90-е?

Может показаться, что жизнь в последнем десятилетии

XX века была в общем-то неплохой и даже почти веселой. Может. Если опираться только на тексты, собранные в этот сборник. Но на самом деле все мы понимаем, что тексты написаны теми людьми, кто счел для себя возможным принять участие в этом проекте. Людьми, которые пережили 90-е со всеми тяготами и невзгодами, не сломались, выжили и сохранили силы и энтузиазм для того, чтобы написать свою историю. Поэтому не будем утверждать, что нашему сборнику «Были 90-х» присущ энциклопедический охват и полномасштабная картина жизни страны в тот период. Это, безусловно, не так. Наш сборник – всего лишь зеркало мыслей, чувств и воспоминаний тех людей, которые сочли нужным ими поделиться. А сколько их, тех, кто не выжил, не выбрался, не выстоял! И сколько страшных и горьких историй они могли бы рассказать! Но не рассказали...

Александра Маринина

Об одном и том же

Дефолт 1998 года

Саша Беляев

Москва

В 1997—98 гг. – банковский служащий, начиная с 99-го – журналист, переводчик.

Молодые миллионеры, или Прожить на \$8 в месяц

«Сейчас все с работы пойдут и все разберут», – сказала средних лет женщина в фиолетовой спортивной куртке, покупая у меня килограмм. Я сказал – возьмите два. Она ответила, что ей ни к чему, она одна с внучкой маленькой. И прибавила, что картошка хорошая и в 6 вечера всю разберут. Я приободрился. Хотя до вечера еще далеко. Да и фиг с ней, с картошкой, – до шести я околею тут, на окраине Москвы, в прохладном октябре 1998-го.

Эту фразу про «сейчас с работы пойдут и разберут» я слы-

шу от каждого покупателя. Не берут ничего или берут помалу. Так что картошка в мешке особо не убавляется. Вчера к восьми вечера еле мешок продал. Сегодня, наверное, будет еще хуже, потому что люди-то одни и те же ходят, кому надо – уже взяли.

Спальный район на юго-востоке Москвы, населенный современными гастарбайтерами и детьми советской «лимиты». От последней станции серой ветки метро еще минут двадцать на маршрутке. И как я оказался в таком положении: у черта на рогах, с мешком картошки и безменом, опасющийся, что гопники обуют и менты заберут, хотя брать у меня совершенно нечего?

Вообще-то совсем недавно у меня была работа, которую можно было считать хорошей, даже перспективной. Я числился клерком банка «Менатеп» (был такой; это где Ходорковский и Зурабов). Официально моя должность – «позиция», как потом стали говорить, – называлась Старший специалист Депозитария или что-то в этом роде. Занимался я в основном тем, что копировал всякие договоры о купле-продаже ценных бумаг и отвозил их в реестры акционеров для перерегистрации прав собственности на них... Уже скучно, да? А я так провел два года. Я подышал, реально! Мне было чуть за двадцать, я обожал джаз-рок, трип-хоп, Набокова и виски и понимал уже, что попал куда-то не туда. Ничего интересного не происходит, карьера не движется никуда.

Попал, кстати, просто. После школы я учился в платном

институте на экономиста. Мой ироничный однокурсник на вопрос анкеты нашего учебного заведения «Что вам больше всего нравится в нашем институте» (как будто там что-то вообще могло нравиться), не задумываясь, написал «Спонтанность». Следующим пунктом шло «...и что не нравится». «Спонтанность», – повторил он.

После института с помощью каких-то манипуляций моих родителей меня все-таки взяли в один банк, откуда я уже сам перешел в этот самый Ходорковский-хаус, «Менатеп» в Уланском переулке (по иронии судьбы много лет спустя я буду ходить на эту улицу тоже практически на работу – в Клуб Игоря Бутмана, чтоб писать джазовые репортажи). Да, сам нашел новое место, перескочил безо всякого блат на чуть большую зарплату, но все равно не покидало ощущение чего-то неправильного. Живешь не своей жизнью; я не боюсь себе в таком признаваться.

Тем не менее, когда в августе 1998-го – после кризиса – весь почти наш отдел разогнали, я не испытал никакого облегчения. Я чувствовал, что у меня из-под ног ушла земля. Что выхода нет, выбора нет и вообще жизнь окончена.

Когда ты безработный, то первое время просыпаешься чуть позже обычного и чувствуешь себя очень отдохнувшим. Завтрак готовится долго и поедается с удовольствием. Потом ты с наслаждением завтракаешь-куришь-гуляешь-читаешь. Время идет медленно, и к обеду избыток сил уже некуда девать. Пойти некуда, ибо последние деньги надо эконо-

мать. Работа не ищется. Меня хватает ровно на неделю такой жизни.

А между тем мысли о работе не оставляют никогда. Каждый день просыпаешься с надеждой, что вот-вот, сейчас, найдется что-то новое и все сразу встанет на свои места. Но мою специальность просто отменили: фондовый рынок сдох, следовательно, Составители Бумажек по Акции никому не нужны.

Иду на биржу труда. «Сами заявление написали?» – спрашивает меня дядечка в толстых очках и уютном свитере, начальник всего этого странного предприятия. «Конечно», – говорю. Щас выгонит, думаю. «Ну как все сейчас, понятно», – говорит он. – Ладно, ставим вас на пособие. Идите в Сбербанк на Николоямской, заведите там сберкнижку».

Через пару недель действительно что-то упало на сберкнижку. Пособие не помню сколько сотен рублей, но по тогдашнему курсу примерно 8 долларов. Как прожить на восемь долларов в месяц?

Нет, я, конечно, готов придумать что-то новенькое. Взяться за... эээ... ммм... что-нибудь. Да что угодно. Проблема в том, что я, честно говоря, совершенно не знаю, чего я хочу. Ну, кроме абстрактного творчества и тусовок с такими же, как я сам.

Хотя бизнес тоже можно попробовать.

Бывший сокурсник – его тоже выперли из банка, правда на неделю позже меня, – придумал торговать картошкой в

отдаленном районе; он там живет и рынок знает. Мне идея понравилась: жрать люди всегда будут, эту мысль я усвоил из институтского курса маркетинга.

Все выглядит просто: купили «Газель», то есть целую тонну, хранить ее в комнате сокурсника и понемногу продавать на улице каждый день.

И вот я стою во дворе, на октябрьской подмерзающей уже земле, и целый день наблюдаю одно и то же. Хоккейная коробка. Панельные многоэтажки. Магазин. Аптека. Улица Красного Маяка, большая, пустынная. За ней лес. Остановка автобуса. Из редких маршруток выскакивают два-три человека, суетливо исчезают во дворах. Каждого потенциального покупателя я ощупываю взглядом.

Так продавали две недели. Ели картошку, спали в ней. Однажды по дороге домой у меня, москвича, менты спросили документы. Я понял, что надо завязывать.

«Сейчас такое время – надо пересидеть», – говорил этот мой сокурсник.

Картошка продается так вяло, что на второй же день я, будучи экономистом по образованию, начинаю немножечко обвешивать. Ну то есть придавливать безмен. Я безменом вешал древним – у бабушки своей взял. Знала бы она, на что дает... Будучи экономистом по образованию, я понимаю, что чтобы нам выйти в ноль, отбить эту нашу «Газель», коэффициент обвешивания надо увеличить процентов на 10. А лучше 20. Женщину средних лет, с которой начинается это

повествование, я тоже обвесил. Граммов сто не доложил ей и ее маленькой внучке. И теперь меня грызет совесть.

На самом деле продавец – это не профессия, это состояние человека. Талант врожденный, как к спорту или музыке. И если, скажем, спортсмены похожи на спортсменов, то торгош может прятаться за любой внешностью. Нет, типаж бойкая торговка – это понятно, это знакомо по советским временам; они давно исчезли – теперь на рынках мужчины восточные, в магазинах – восточные же женщины с именами типа Наргиз, Назакат и тому подобная тюркская романтика: равнодушные, безынициативные, русского не знают до такой степени, что во фразе «сырокопченая грудинка» слышат «сирь капчени».

А вот в СМИ, как я несколько лет спустя выяснил, вообще бывают чудеса: девочка, маленькая-худенькая с тихим пищущим голоском. Месяц прозванивает «холодную базу», шепча что-то в трубку, смешная, а потом оказывается, что именно она сделала план по продажам за месяц.

А я – ни то ни се. То есть я мог в школе и институте продать какую-нибудь ерунду – кассету, шмотку – но не скажу, что меня это увлекает. Сокурсник – он другое дело. Он фанат. Любит процесс торговли. Но почему-то сидит дома. Я все-таки надеюсь, что он готовит мне ужин. Пюре, разумеется, – больше мы ничего не умеем готовить.

И вот среди этих пустых мыслей я вижу, что ко мне идет покупатель. Не от остановки, а из двора. О господи, это –

женщина в фиолетовой куртке, та самая, которую я обвесил. За руку она ведет внучку. «Ребенка голодать заставил, ирод, супостат, смотри, смотри, сволочь, не отворачивай глаза свои наглые!» – закричит она. Я дрожу. Они идут медленно. Ко мне. В левой руке у женщины что-то... стаканчик. Белый бумажный.

– Я вам чайку принесла, – говорит она.

– Ш-што?

– Ну а что? Вам же холодно. Пейте!

Я держу стаканчик за теплые бока и чувствую, что именно этого мне сейчас и не хватало.

– Возьмите, – говорю, – картошечки.

– Не надо мне, – говорит она. – Мы у вас достаточно взяли. Нам некуда...

– Бабушка, пойдем, – заныла девочка.

– Пойдем, котенок. Ну, до свидания.

– Подождите, – говорю. – Я вас обвесил. Грамм... граммов на эээ... семьдесят.

– Я не заметила. У вас, видимо, безмен плохой. Да и в любом случае вы продаете вполновину дешевле, чем у нас в овощном.

Картошку мы почти всю продали и вышли в ноль. «Такое время – надо пересидеть», – повторял сокурсник.

Ну правда ж – пересидели.

Владимир Гуга

Москва

Как было дело

Кате

А дело было так. В июле 1998 года я с приятелем, как говорится, «культурно отдохнул» на югах, в районе города Лазаревское. Там мне, к счастью, удалось потратить ббольшую часть всех моих финансовых накоплений. В основном деньги ушли на взрывоопасный напиток, который почему-то местные торговцы с почтением называли и называют по сей день «домашнее вино». В эту... хм... «амброзию» (не назову ее бурдой, так как все-таки определенным вкусовым букетом она обладает) виноделы добавляют то ли табак, то ли куриный помет, то ли коноплю, чтобы хлеще вставляло. Кстати, бомбилы-посредники, что сбагрили нас после поезда крутобедрой хозяйке, ростовской казачке лет сорока пяти, сообщили, что, дескать, конопля в этих краях – заросли, типа, бери и кури.

– А еще, – сказали эти солнечные и радостные, как спелые абрикосы, адыгейцы, – если захотите, можете вдуть хозяйке по очереди – она не откажет. Не стесняйтесь, ей одной здесь скучно. Кроме того, она очень хорошо относится к отдыха-

ющим молодым парням. Без проблем! Как говорится, услуга включена.

Куриль траву и «вдувать» хозяйке мы не стали, но погуляли все равно неплохо. Мы ели шашлык, пили литрами вино и коньяк, знакомились с отдыхающими студентками (не очень успешно), лазили по горам, валялись на нудистском пляже. Все это описывается для того, чтобы яснее просматривался контраст между двумя реальностями, ради демонстрации ситуации, обозначаемой в романах словосочетанием «блеск и нищета». Эти две реальности разделились совсем коротким временным отрезком – не более месяца.

После отпуска недели две прошли относительно спокойно, хотя в стране происходило что-то не очень хорошее. Из телевизоров доносились слова «девальвация», «гэкэо», «кириенко». Но меня это дело не напрягало. Зарплата моя составляла триста баксов. Ее вполне хватало на нехитрые холостяцкие нужды: книги, диски, пиво, дешевые тряпки. О происходящем в экономике Российской Федерации я не задумывался до тех пор, пока наш шеф, генеральный директор компании, не выдал мне в качестве месячного жалования вместо положенных трехсот долларов пачку деревянных рублей.

– Валюты временно нет, – пояснил он угрюмо и как-то отчаянно хлопнул крышкой своего ноутбука, словно заявив своим движением: «*Finita la comedia!*» (Ноутбуки в те годы были здоровые, тяжелые, и крышки их хлопали звучно.)

Через пару дней после выдачи мне стопки деревянных состоялось общее собрание нашей компании.

Помню, как мы все встали около стеночки и замерли... Наш шеф, человек, в общем, гуманный, умный и позитивный, редко позволявший себе злиться, в те минуты был мрачен и сердит. Список уволенных он зачитывал с некоторым раздражением, будто выкинутые с работы люди чем-то его обидели. Его настроение объяснялось просто. Дать невинному человеку под зад коленом гораздо легче, если искусственно возбудить в себе неприязнь к бедняге. Такая вот психология. Только что-то не очень хорошо получалось у нашего начальника злиться. Выглядел и воспринимался он довольно безобидно: уныло опущенные плечи, недостаточно уверенный, хоть и злой, голос, слегка растерянный взгляд. Он явно переживал, что вынужден выгонять народ на улицу, но пытался строить из себя крутого. Ведь если изгоняющий недостаточно крут, изгнанники могут поднять бесполезный шум и усложнить и без того непростое положение. Среди уволенных оказался молодой мужичок, отец двух маленьких детей... Маленький безобидный очкарик.

Я же в черный список не попал, так как трудился на низкой должности, по большей части физически – подай, принеси, отвези, отправь, купи и тому подобное. Но в течение второй половины августа 1998 года я из более-менее самостоятельного и относительно состоятельного московского обалдуя превратился в обалдуя «с голой жопой», как выразилась

моя бабуля. Бабуля, кстати, и не то видела – войну, госпиталь, репрессии. Что ей эти 90-е?

Перед тем как грянул кризис, Борис Николаевич Ельцин клялся, что дефолта не будет. Даже вроде обещал в случае нарушения своей клятвы лечь на рельсы. Кризис грянул, на рельсы, слава богу, никто не лег. Но зато я на всю жизнь уяснил, что если власть что-то серьезно обещает, клянется, значит, все будет точно наоборот. Если власть сказала, что люди никогда не будут летать, значит – беги заказывать пиджак с чехлами для крыльев; если она поклялась, что голода не будет, – запасайся консервами. Моя бабуля, между прочим, до конца своей жизни хранила в своей кладовочке бруски хозяйственного мыла, упаковки спичек и мешки с солью. Сталинские и хрущевские облигации она тоже хранила. Под матрасом. Кажется, они так и прогорели, превратившись в нумизматическую редкость.

Как известно, беда не приходит одна. Именно в разгар этого чертового кризиса меня угораздило влюбиться. Казалось, о каких таких «шуры-муры» может идти речь, когда того и гляди какой-нибудь ядерный реактор взорвется из-за того, что его сотрудники забастовали. Но ничего не поделаешь...

В Москве в первые дни дефолта творилось что-то невероятное: банки и магазины позакрывались, заведения общепита и развлекательно-увеселительные объекты чуть ли досками не забили, как во время военной осады, народ судорожно метался, не зная, что делать – то ли покупать валюту у

спекулянтов, то ли сдавать ее, пока она находится на астрономической высоте. И вот в этот неблагоприятнейший момент состоялось наше первое свидание. Я пригласил свою девушку, в недалеком будущем невесту и жену, погулять на ВВЦ. Интересное это место – Выставка достижений народного хозяйства. После развала Советского Союза сей уникальный государственный заповедник бахвальства превратился в роскошный некрополь – мертвый псевдоантичный город, гигантское кладбище былого величия. Под каменными изваяниями тучных коров стали торговать корейской и китайской бытовой техникой, а павильоны, демонстрирующие некогда высочайший уровень советской промышленности, науки, техники и культуры, забились тюками с турецкими и опять же китайскими шмотками. Но когда мы пришли на ВВЦ погулять в тот незабываемый августовский денек, то уже не обнаружили ни технику, ни шмоток – торговля капитально подвисла... Образно говоря, ВДНХ умерла два раза. Первый раз, когда превратилась из почетной выставки в бесславный базар, а второй раз – в августе 1998-го, когда вообще опустела и обезлюдела. Не удивлюсь, если я стану свидетелем ее третьей, уже окончательной, гибели, когда она попадет в программу какой-нибудь реконструкции и модернизации.

Накануне свидания я очень переживал, что из-за нехватки денежных средств я буду выглядеть в глазах подруги полным ничтожеством. Но пронесло: взбесившимся ценам не уда-

лось нас искушать, так как покупать было нечего и негде. Хотя, кажется, мне удалось все же слегка «гульнуть» — я купил бутылку пива и пачку невразумительных сухариков. Словно два чудом выживших после атомной войны человека, мы слонялись по ВВЦ, несли ахинею, сидели на лавочках, смотрели на пустые, еще пахнущие вкусным дымком шашлычные и время от времени глупо-преглупо смеялись.

— Вот павильон «Свиноводство», — важно вещал я, — раньше в нем жили отборные хряки и свиноматки, а теперь здесь торгуют телевизорами и компьютерами. Хотя нынче он закрыт и опечатан. А вот павильон «Металлургия», раньше здесь были представлены достижения металлургической промышленности, а теперь, значит, расположились вьетнамский мини-рынок и ярмарка меда. Сегодня он тоже закрыт и неизвестно, когда откроется. А вот павильон «Космос». Долгие годы здесь хранились уникальные космические аппараты, а теперь продаются саженцы, рассада, удобрения и элементы ландшафтного дизайна. Вчера его закрыли на неопределенное время. А вот павильон «Культура», раньше...¹

Ну и так далее, в таком духе.

Пожалуй, в этот день я в первый раз по-настоящему ощутил так называемое «счастье».

¹ Автор не берет на себя ответственность за точное описание содержимого павильонов ВВЦ в 1998 году. Но сути изложенного это не меняет.

Детские конкурсы

Елена Кладова

Северодонецк, Украина

В 90-е – ведущий ревизор управления по труду Луганского облисполкома; находилась в отпуске по уходу за ребенком; после 90-х – ведущий специалист и заместитель начальника отдела Луганского областного центра занятости.

Суперприз

Шел 1996 год. Несмотря на то что мы с мужем работали, материальное положение семьи оставалось тяжелым. Супругу вместо денег давали продукты или автомобильные клапаны, которые выпускал завод. Запасные части надо было вывезти и продать за пределами области, чтобы получить наличные денежные средства для оплаты коммунальных услуг. Накопления моих родителей на сберегательных книжках в один миг превратились в фантики.

На руках у нас находилось двое детей – одиннадцатилетняя дочь и четырехлетний сын. Дочери Лизе очень хотелось иметь куклу Барби, как у одноклассниц, но как ее купишь,

если на продукты не всегда денег хватало. В это время детский журнал «Барвинок» объявил конкурс по валеологии (науке о здоровье). Среди детей, правильно и оригинально ответивших на вопросы трех туров викторины, разыгрывались три приза – поездка на отдых в Италию, кукла Барби и школьные принадлежности. Мы с Лизой решили принять участие в конкурсе – ведь это реальный шанс получить куклу ее мечты! Чтобы правильно ответить на вопросы, дочь ходила в библиотеку, штудировала «Детскую энциклопедию», «Энциклопедический словарь» и медицинские справочники бабушки. Ответы оформлялись в виде сказок и в назначенные сроки отправлялись в редакцию журнала. И вот, наконец, все три тура пройдены, осталось ждать результата. В отличие от ребенка, я не надеялась на приз, но помогала дочери и подбадривала ее. Какова же была наша радость, когда из Киева пришла телеграмма, где сообщалось, что Лиза выиграла суперприз – бесплатную путевку на месячный отдых в Италии! Мы не верили своим глазам, но это оказалось реальным – в тяжелые 90-е годы отправить ребенка из небольшого украинского города в Италию за победу в викторине. Нам необходимо было оплатить лишь проезд в Киев и обратно. Отрадно, что все затраты на поездку брал на себя спонсор, хотя и не без выгоды для себя. Работы, присланные детьми на конкурс, вошли в изданный им учебник валеологии.

Я очень переживала, так как девочка должна была лететь в путешествие одна, без родителей. Для одиннадцатилетней

летней дочери все было впервые – поездка на поезде в столицу Украины, знакомство с группой детей из Чернобыльской зоны, которые вместе с ней отправлялись в Неаполь, полет на самолете, общение с итальянцами при помощи разговорника, жизнь в чужой семье вдали от дома. С другой стороны, я понимала, что вторая такая возможность в ближайшей перспективе нам не представится. Вместе с моей мамой мы обновили ребенку гардероб для поездки, купили украинские сувениры итальянцам и спонсору. В августе я отвезла Лизу в Киев, и она отправилась в необыкновенное путешествие. Поездка оставила неизгладимое впечатление у дочери на всю жизнь. Итальянцы очень тепло ее приняли, купили подарки (одежду и игрушки), свозили на побережье Адриатического моря – отдохнуть, познакомили со своей национальной кухней и бытом. До сих пор мы любим рассматривать фотографии, привезенные Лизой из Италии, и читать журнал «Барвинок», в котором опубликован ее дневник о поездке. Куклу Барби нам все-таки удалось купить ребенку, однако уже после путешествия.

Путевка в Италию была для детей удачным стартом в завоевании призов. По мере взросления за победу в конкурсах дочь выиграла аудиоплеер, а сын – набор пазлов и вентилятор. Главный же урок, который вынесла наша семья из этой истории, – никогда не сдаваться при неудачах, продолжать идти вперед к намеченной цели и верить в свою мечту. Своим интеллектом, умениями, знаниями можно добиться мно-

гого в жизни. Если в 90-е годы произошло чудо, то почему бы ему не повториться?..

Лариса Ратич

Санкт-Петербург

С 1981 года и по сей день – учитель русского языка и литературы.

Рука спонсора

Конечно, это был пустяк, но уж очень Лерочке захотелось. А значит, надо сделать. Она девочка волевая, всегда добивается, чтоб было, как ей нужно; значит, это стремление надо поощрять. Валерий Алексеевич, не откладывая, набрал номер:

– Дарья Дмитриевна, Ершов говорит. У меня к вам дело.

Дарья Дмитриевна затрепетала: Ершов – это был не просто отец ее ученицы; он, как утверждал директор, являлся «главным и лучшим спонсором школы». И просьба Валерия Алексеевича невыполненной быть никак не могла. Что там у него на этот раз?..

– Мелочь, Дарья Дмитриевна, сушая ерунда. Но дочка мечтает поехать, как ей откажешь?..

Да... Не такая уж это маленькая просьба, не такая! Вчера позвонили из облоно и сказали, что есть одна бесплатная пу-

тевка в Международный центр для одаренных детей. И не куда-нибудь, а в саму Москву. И не позднее, чем через неделю, школа должна такого ребенка назвать. Непременное условие: это должен быть победитель (или победительница) какого-нибудь поэтического конкурса, можно – школьного. Дарья Дмитриевна очень обрадовалась, когда узнала. Есть, есть в школе такая девочка! Умница, талант. Стихи пишет – удивительно даже, что ей всего семнадцать лет. И как раз сейчас в школе проходит конкурс ученической поэзии «Осенние мотивы», итоги – послезавтра. Уже все работы просмотрены, и Дарья Дмитриевна (плюс двое коллег-филологов: жюри!) убедилась, что Таня Тимченко – снова вне конкуренции.

Тимченко – девушка тихая, робкая. Живет с одним только папой (мама Танечки умерла несколько лет назад, а отец так и не женился больше). Живут небогато, и такая престижная путевка – огромное событие в их жизни; да и шанс, наверное! Скорее всего, таких детей кто-то планирует продвигать и дальше.

Дарья Дмитриевна давно думала, что было бы совсем неплохо, если б девочку заметили не только в родной школе. Конечно, пока Танечка про путевку ничего не знала, но что она – заслужила, учительница ни на миг не сомневалась.

– Понимаете, Валерий Алексеевич, эта поездка – для одаренных детей; так сказать, для талантливых...

– Вы что ж, – немедленно обиделся Ершов, – хотите сказать, что моя дочь – бездарь?!

– Ой, нет, что вы, – засуетилась Дарья Дмитриевна, – Лера тоже способная, но ведь она никогда не писала стихи и даже не пыталась. Я же не первый раз провожу в школе подобные конкурсы...

– Слушайте, – снисходительно обронил Ершов, – не писала, так напишет. Завтра принесет. Устраивает вас?

– Да как сказать, – все мялась литераторша. – Если победит, то конечно... Тогда она и поедет.

– Победит, я уверен, – ухмыльнулся Ершов. – Вот увидите, Дарья Дмитриевна. До свидания.

Дарья Дмитриевна сидела, уронив руки на колени. Что делать?.. Она зачем-то набрала номер директора:

– Степан Сергеевич, извините, что беспокою... У меня – безвыходная ситуация.

Она, волнуясь, изложила суть дела. Директор слушал, не перебивая, и Дарья Дмитриевна вдохновилась:

– Степан Сергеевич, вы поймите! Лера Ершова может поехать куда угодно и без этой путевки, у них ведь денег – куры не клюют! Ну зачем ей – обязательно сейчас, а?! И потом: откуда Ершов узнал? Я ведь еще никому ничего не говорила!

– Дарья Дмитриевна, прекратите истерику! – Слышно было, что директор сердится. – Какая разница, откуда узнал? Это разве меняет дело?

– Ну все-таки, как же так? – лепетала учительница. – А Тимченко?.. Если мы объявим, что победила не она, а Ершова, нас даже первоклассники засмеют...

– Дорогая моя, переживете! – В голосе начальства уже зазвенел металл. – Дело не в том, что Ершов может и сам все оплатить. Просто Лере хочется выиграть и поехать как победительнице, а не за папины деньги, понимаете? По-моему, прекрасное стремление!

Наконец-то Дарья Дмитриевна сообразила, что директор уже давно в курсе. Это он, наверное, Ершова проинформировал... Она не ошиблась.

– И вообще, Дарья Дмитриевна, я считаю, что школа должна хоть как-то отблагодарить эту семью за все, что они для нас сделали. Вы не находите?

Да, конечно... Кондиционеры в учительской и в кабинете директора, два компьютера новейшего образца, линолеум в кабинете литературы... Это все – Ершов. Спасибо ему. Однако она попыталась в последний раз:

– Ну хорошо, Степан Сергеевич, я вас поняла... Только не знаю, как это сделать?.. Лера завтра принесет стихи, мне Ершов обещал, но ведь она...

Директор рассвирепел не на шутку:

– Слушайте, я от вас в шоке! Да напишите вы сами эти стихи, черт бы вас побрал!!! Вы ж печатаетесь! Ваши стихи – не хуже, чем у Тимченко; вот и будет победа! Только не болтайте, что это вы писали, а не Лера, и все! Вы помните, – повел он вкрадчиво, – что на следующий год у вас аттестация? Хотите высшую категорию?

Кто ж не хочет?.. Литераторша глубоко вздохнула:

– Хорошо. Я поняла.

– Вот и отлично! – уже теплее сказал директор. – Тогда до свидания.

Дарья Дмитриевна не ложилась до часу ночи. Во-первых, две пачки тетрадей надо было срочно проверить, а во-вторых... Сами понимаете... Она тщательно пересмотрела все черновики и нашла одно из давних своих стихотворений, как раз по теме. Оно, к счастью, нигде не публиковалось.

Дарья Дмитриевна торопливо переписала его, а потом, подумав, уселась за компьютер: пусть лучше будет набрано шрифтом, чтоб по почерку коллеги ни о чем не догадались. Проснулся муж и подошел ругаться:

– Даша, когда закончится этот фанатизм?! Ты на часы смотрела?

– Васенька, голубчик, не сердись... Мне очень надо, на завтра надо! – Она смотрела умоляюще. – Последний раз, обещаю!

– Ага, сразу поверил! – пробурчал муж, но, однако, ушел спать дальше.

...Наутро Дарья Дмитриевна помчалась на работу задолго до первого урока: надо было зайти к Ершовым. Дверь ей открыла заспанная Лера. Удивилась:

– Дарья Дмитриевна, а чего вы?..

Учительница торопливо сунула ей стихотворение и, пряча глаза, сказала:

– Лерочка, придешь в школу – отдай это Инне Григорьев-

не. Скажешь, что ты написала на конкурс...

– А-а-а, – равнодушно протянула девушка. – Ну что ж, спасибо.

...Дарья Дмитриевна шла в школу и чувствовала непреодолимое отвращение: к директору, к Ершовым, к себе... Да еще, как назло, столкнулась у самого крыльца с Таней Тимченко. Та, как всегда, приветливо поздоровалась. «Славная девочка!» – в который раз подумала литераторша. Но сейчас к мыслям об уме и таланте Тимченко подмешивалась ложка дегтя.

«Хватит! – одернула она саму себя. – В конце концов, своя рубашка ближе к телу. Против Ершова только дурак переть может...»

(По городу про него ходили нелестные слухи.)

«И к тому же, – продолжала себя успокаивать Дарья Дмитриевна, – у Тимченко еще будут шансы, ведь она способная. Не сейчас, так потом».

И учительница окончательно успокоилась. А дальше – все было даже проще, чем она ожидала: Лера отдала стихи, потом Инна Григорьевна подошла к Дарье Дмитриевне, потом они позвали Ольгу Антоновну. Удивлялись все втроем: надо же! Это называется «скрытые возможности»! И только одиннадцатый класс слушал недоверчиво, когда на следующий день их пригласили для объявления результатов: первое место – Ершова, второе – Тимченко, ну и третье – все остальные.

– Ребята! – сияла Дарья Дмитриевна. – Сегодня – не просто подведение итогов! Сегодня так удивительно совпало, что победитель нашего конкурса отправляется в Москву на новогодние каникулы в центр молодых литераторов! Поаплодируем Лере Ершовой!

Класс жидко захлопал, а язвительный Семенов громко и нахально сказал:

– Вот неожиданность! Да, Дарья Дмитриевна?

Семенов грубил всегда, и, конечно, не стоило обращать на него внимание: возраст у него такой. Тем более что никто ничего больше не добавил. И только Таня Тимченко посмотрела на учительницу с горькой укоризной. А может, показалось?..

В Польшу за товаром!

Гая Валерова

Москва

До и во время 90-х – октябренок, а потом пионер. По словам автора: «После 90-х и до сего дня так и остаюсь вечным пионером».

Контрабанда

Оксана, медсестра в недавно государственном, а теперь именуемом ОАО санатории на берегу Черного моря, уже три месяца сидела в неоплачиваемом отпуске. Жить было не на что. Подруга предложила съездить в шоп-тур в Польшу, деньги на поездку одолжила и своих сумок подбросила.

Благодаря рачительности Оксаны, а также исправно отовариваемым талонам в коробке из-под старого пылесоса оказались три картонные пачки стирального порошка «Лотос», двенадцать штук туалетного мыла «ФА» с ароматом лаванды, пять бутылок «Русской водки», завернутых в газеты, 10 красных пачек сигарет «Прима». Сверху для маскировки контрабандного товара легли два жостовских подноса, 6 деревянных ложек, расписанных под хохлому, и две старые, но

еще приличного вида юбки.

Вторую коробку решено было заполнить маленькими пальмами, которые в Европе очень любили и сажали в больших кадках у себя в домах. Вместе с дочкой пятиклассницей Оксана рано утром пошла в санаторский парк. Из земли, между волокнистых стволов китайских веерных пальм, зелеными пиками торчали молодые растения.

– Мам, нас не арестуют за воровство?

– Мне начальство разрешило, – успокоила Оксана дочь. – Сказали, что это компенсация за невыплаченную зарплату. Главный агроном обещал и справку выдать, что растения не болеют ничем.

Не обращая внимания на морозящий дождь, мама и дочь выкопали и бережно сложили в целлофановый пакет 40 ростков. Дома они каждую пальмочку с комком земли на корнях обернули в кусок мокрой ткани, замотали целлофаном и сверху еще обвязали резинкой.

* * *

В Мамоново приехали около десяти часов вечера. Российские таможенники, проверив документы и для виду поинтересовавшись целью заграничной поездки, без особых придиорок пропустили автобус. Неприятности начались, когда через двадцать минут неспешной езды подъехали к польской таможне в Безледах. Машин на пропускном пункте было

немного, но российский автобус попросили по какой-то причине подождать.

– Это они денег хотят, – компетентно заметила одна из челночниц, Луиза.

– Нет, вы что! – запротестовала молодая, впервые поехавшая в шоп-тур в качестве руководителя группы Тамарочка. – Они обязаны нас пропустить. Подождем немного. Наверняка скоро во всем разберутся.

– Но они даже документы наши не спросили!

– На обочину заставили съехать, и все.

– Пост закроется в полночь. Вдруг мы не успеем? – тихо спросила Оксана.

– Ничего, больше часа еще осталось, – пыталась подбодрить всех Тамарочка.

– Может, все-таки деньги дадим?

– Быстрее будет, – энергично закивала большой кучерявой головой Луиза. – Проверено лично. Но раз народ не хочет платить...

Тамарочка ни за что не соглашалась. Ждали до двенадцати, а потом граница закрылась до утра. Пропускной пункт погрузился во тьму, сотрудники уехали, и автобус с двадцатью пассажирами и водителем остался один в заросшем молодой травой поле.

– Я же говорила, что надо было бабки им дать!

– Но как же так! – У Тамарочки дрожали губы, она часто моргала, оглядывая присутствующих. – Я ведь хотела как

лучше...

– Ладно, что уж сейчас говорить! – Луиза решительно взяла контроль над ситуацией. – Будем укладываться спать. Утром разберемся!

– Одни в незнакомом месте. Страшно... – Оксана попыталась взглянуть в темноту за окном.

– Как же спать тут!

– А нечего ездить тогда, если на перинах спать привыкла! Неженка нашлась!

– Да ладно, бабоньки, что вы взъелись! Всем тяжело сейчас...

– Ни прилечь, ничего...

– Даже умыться нечем!

– А я пить очень хочу. Кто может одолжить бутылочку?

Пассажиры кое-как устроились на жестких, неудобных креслах, и автобус «ЛАЗ» погрузился в тревожный, с частыми пробуждениями и вздохами сон. Оксана долго не могла уснуть. Болела спина от непривычно долгого сидения. Хотелось вытянуться во весь рост или походить немного, чтобы размять затекшие ноги. Она смотрела в черную безлунную ночь через грязное, с разводами от дождей и пыли стекло и куталась в болоньевую куртку. Лишь под утро женщина ненадолго задремала.

Как только открылся пропускной пункт, всем автобусом решили, что если будут намекать на деньги, то лучше заплатить.

Польские таможенники намекнули. После выплаты заявленной суммы началась проверка документов.

Оксана переживала, что могут найти контрабанду – водку и сигареты, спрятанные в вещах. К счастью, вытаскивать весь груз из автобуса не пришлось. Однако таможенники заставили открыть несколько коробок и сумок, лежащих на виду. К досмотру потребовали и одну из коробок Оксаны.

– Ого! – Сотрудник польской таможни присвистнул. – Контрабанду везете, пани.

– Какая же это контрабанда? Это растения. Пальмы! – всплеснула руками Оксана.

– Справка есть, что растения не больны? – Таможенник достал завернутый в кусочек влажной тряпки росток и повертел его в руке.

– Конечно! Вот, пожалуйста.

– Тут на русском...

– Но вы же хорошо по-русски говорите, наверняка и читать можете.

– Я-то все могу, а по правилам справка должна быть на языке страны въезда или английском... В общем, так, пальмы мы конфискуем.

– Но как же... – Оксана хотела спорить, но вспомнила про водку и сигареты и прикусила губу.

Через полчаса автобус с российскими челночницами подъехал к обшарпанной гостинице в небольшом городке Фромборк.

— Ну, слава богу, добрались! — Тамарочка громко вздохнула. — Напоминаю, граждане, автобус обратно уходит послезавтра в 7 утра. Прошу никому не опаздывать!

Выгрузив коробки, Оксана огляделась.

— Улица Коперника, — прочитала женщина табличку на стене здания.

— Тут жил этот самый Коперник, — сказала Луиза, подтаскивая свои тюки к двери гостиницы.

— Да вы что! Наверняка и музей есть.

— А то как же.

— Вот бы быстренько все продать да успеть по городу прогуляться...

— И не мечтай! — Луиза громко хохотнула. — Я уже пятый раз сюда езжу, так, кроме этой убогой гостиницы да городского рынка, ничего не видала.

Женщина выпрямилась и поправила сползшие бретельки бюстгальтера:

— Значит так! Ты пока стой здесь, вещи сторожи. Я пойду зарегистрируюсь, потом поменяемся. Запишемся в один номер.

– Мы не поднимемся? Умыться хотя бы...

– Ты что! На рынок надо к открытию идти. И так уже опоздали.

Городской рынок находился на Портовой улице. Самого залива видно не было, но иногда ветер доносил солоноватый запах рыбы и водорослей.

Торговля шла не очень бойко, но русские товары интересовали местных жителей. Они подходили, спрашивали цену, разглядывали вещи.

– А можно примерить вот эту кофточку ангоровую? – К Оксане подошла женщина средних лет с бегающими внимательными глазками.

– Да, конечно!

– Только я же не могу раздеваться тут при всех. – Женщина развела руки в стороны. – Тут недалеко за палаткой есть уголок. Я сейчас сбегая туда померить и вернусь. Это пять минут!

– Хорошо, хорошо, пожалуйста!

Женщина радостно схватила кофточку и скрылась за палаткой.

– Ну и дура ты! – спокойно сказала Луиза.

– Почему?

– Стырила она у тебя кофту, а ты ей еще пожалуйста говоришь.

– Она же сказала, что сейчас вернется!

– Ну-ну!

Но ни через пять, ни через десять, ни даже через двадцать минут женщина с кофточкой не вернулась.

— Это же не моя кофта была! — сокрушалась Оксана. — Мне знакомая дала на продажу...

— В следующий раз умнее будешь, — без злобы сказала Луиза. — Надо мерить — вон, пусть к забору тулится, а ты с другой стороны тряпкой какой прикроешь.

На рынке стояли до самого закрытия. От усталости Оксана уже была в полуобморочном состоянии. Луиза выглядела все такой же энергичной и громкой.

— Все, сворачиваем удочки! Завтра пораньше опять сюда.

Второй день выдался более удачным. После обеда Оксана распродала оставшиеся товары. У Луизы изначально было раза в два больше коробок. Как она их тащила с самого Екатеринбурга, оставалось для всех загадкой.

— Новичкам всегда везет! — немного завистливо сказала Луиза. — А у меня тут осталось. Пару часов, думаю, еще постою.

Ранним утром следующего дня бело-голубой автобус вновь заполнился коробками и сумками с купленным импортом. Все громко переговаривались, хвалились вещами, строили планы на дальнейшие поездки. Больше всех радовалась Луиза.

— Девки, а я все продала! Даже лифчик! — В качестве доказательства женщина задрала кофту, продемонстрировав всем белые, грузно лежащие на круглом животе груди.

На мгновение в автобусе воцарилась тишина.

Довольная произведенным эффектом, Луиза плюхнулась на сиденье рядом с Оксаной:

– Теперь можно и домой!

Автобус с челноками возвращался через ту же польскую границу.

На обратном пути таможенники не придирались и особо не досматривали пассажиров.

– Ксюх, глянь-ка! – сидящая у окна Луиза больно пихнула Оксану в бок и постучала по стеклу.

Женщина посмотрела в указанном направлении. По обе стороны от пункта досмотра, на длинных, расчищенных от сорняков клумбах рядком были высажены все ее 40 пальм.

– Изверги! – вырвалось у Оксаны. – Их внутрь надо. Замерзнут...

Ирина Александрова

Нижний Новгород

Профессия на момент событий, описанных в рассказе, – педагог. На данный момент – журналист.

Ода клетчатой сумке

Челночницами не рождаются – ими становятся. И не из любви к перемене мест, а из суровой необходимости. Когда

по телевизору показали сериал «Челночницы», память вернула меня в тот период жизни, который принято называть «лихие 90-е», и оживила картинки воспоминаний, потускневшие за давностью лет.

Картина первая, отчаянная

...Начало девяностых. Мне едва минуло двадцать пять, за плечами – университетский диплом, муж-офицер и двое детей (младший еще грудничок). Страна разваливается, зарплату мужу (единственный источник дохода семьи) не выплачивают месяцами. В военоторговском магазинчике у разухабистой продавщицы Катьки под прилавком толстая засаленная тетрадь, куда она вносит суммы за отпускаемые в долг продукты. Беззлобно матерясь, она заворачивает в серую оберточную бумагу тощую курицу – и в ее «амбарной книге» появляется очередная запись. Потом Катька заговорщически шепчет: «Вечером приходи ко мне домой, у меня одеяльце есть детское буржуйское и молочные смеси». Ее шепот слышу не только я, и спина горит от недобрых взглядов таких же, как я, истерзанных безнадегой офицерш.

Вечером иду к Катьке домой. Мне не стыдно, потому что у нее есть импортная молочная смесь, а у меня только водянистое грудное молоко, которого ребенку уже не хватает. Я знаю, что Катька, имея доступ к так называемой «гуманитарке», втихаря ею приторговывает, но мне дает ее бесплат-

но. Бесплатно, но не безвозмездно: два раза в неделю я занимаюсь с ее старшим сыном, двенадцатилетним балбесом, английским языком.

Однажды обнаруживаю, что в холодильнике ничего нет. Из съестного в доме только соль, сахар и банка томатной пасты. И купить не на что: порог допустимого долга Катке давно превышен. Уложив детей спать, жду мужа в состоянии полного смятения. Мне нечего дать ему на ужин, а самое страшное – нечем завтра кормить детей. Денег занять не у кого: в нашем военном городке все живут в одинаковых условиях. Скрипнула входная дверь – пришел с работы муж. Выхожу в коридор и вижу у него в руках старую спортивную сумку. И она определенно не пустая! Муж ставит ее на пол, открывает молнию – а там картошка и несколько больших жестяных банок армейской тушенки. «Начпрод расщедрился», – говорит супруг. Я смотрю на картошку и тушенку и начинаю плакать. От счастья! Еще бы – в доме есть еда.

Тот случай, видимо, и определил характер моей деятельности на два последующих года. Муж, тяжело переживавший невозможность полноценно содержать семью, принял волевое решение – занял крупную сумму под серьезные проценты у местного кооперативщика и купил пачку акций МММ. До сих пор факт этого безумия, проявленного неглупым человеком, я оправдываю только крайней степенью отчаяния. Пирамида Мавроди грохнулась за три дня до намеченной мужем «сделки века». Когда благоверный, придя в

себя, раскрыл карты (свою финансовую авантюру он держал от меня в секрете), голова сначала помутилась, а потом заработала ясно и четко. Биться в истерику и заламывать руки не было смысла: причитаниями детей не накормишь. Так и пришло решение ездить торговать в Польшу, благо от нашего городка в Калининградской области до польской границы рукой подать. О том, чтобы в Польшу ездил муж, не было даже речи – он же офицер, а значит, невыездной.

Картина вторая, практическая

К первому визиту в Польшу я готовилась тщательно: взяла в долг у того самого кооперативщика и просчитала, что и сколько могу купить здесь и какую сумму могу выручить там при продаже. Закупать дефицит в Польше я не собиралась: задача была привезти оттуда деньги, а не кофточки и сапожки. Главное – запастись спиртом и сигаретами, потому что самую весомую выручку обеспечивали именно эти позиции. По закону в Польшу можно ввезти не более двух блоков сигарет, а за реализацию любого количества того самого знаменитого «Ройяля» можно было загреметь в кутузку. Поэтому каждая «бизнесвумен» исхитрялась как могла, чтобы провезти запрещенный товар и не «загреметь» на таможне. Свой вклад в контрабандистский арсенал внесла и я: вернула из небытия длинные панталоны с начесом, которыми снабдила меня мама, когда я уезжала с мужем по распределению,

и пришила по задней стороне каждой штанины по большому карману. В каждый карман влезало по литровой бутылке спирта. Скрыть весомые емкости под ягодицами помогла широкая юбка-брюки в складку. Логика была простая: даже если на таможне меня будут обыскивать, не будут же хлопать под попой!

Тема карманов показалась мне перспективной, и я соорудила еще один на внутренней стороне полушубка. В него помещались две литровые бутылки «Ройяля». Если надеть полушубок нараспашку, то булькающую конструкцию практически не видно. В застегнутом варианте на спине сразу вырастал внушительный горб. А значит, полушубок должен быть нараспашку вне зависимости от погодных условий. Ничего, сдюжу!

Картина третья, сюрреалистическая

Первая же поездка стала серьезным испытанием и для «физики», и для нервной системы. Муж, провожая меня, еле дотащил сумки до станции. «Тебе это не поднять!» – испуганно сказал он. «Подниму! – бодрилась я. – Я девчонка жилистая, да и тачка мне в помощь». Металлическая тачка с двумя колесиками стала моей главной помощницей в каждой поездке. Без нее я не протащила бы свои сумки и десяти метров. А вот чтобы затащить свою поклажу в автобус или поезд и поднять ее на стол таможенников, рассчитывать при-

ходило только на силу рук и крепкий пресс. Глаза лезли на лоб от напряжения! И откуда только силы брались у «бизнесумен» весом пятьдесят пять килограммов?

И вот первая поездка. В польском Бранево таможня сразу при выходе с перрона, и к ней выстраивается очередь из челночниц. На улице замечает выюга, но застегнуть полушубок я по понятной причине не могу. Подходит моя очередь. Молодой таможенник дежурным голосом спрашивает, что везу. «Специи, носки, молотки», – бодро перечисляю я. «Спирт, сигареты?» – Взгляд поляка меня буквально буравит. «Спирта нет, есть два блока сигарет для личных нужд». – Я не опускаю взгляд. «На два дня едешь? А сколько в день куришь?» – Его взгляд становится смешливым. «Блок!» – не моргнув глазом вру я, не выкурившая за всю свою жизнь и пачки. «Ого! – улыбается таможенник и вдруг протягивает руки к воротнику моего полушубка. – Пани, застегнись, холодно». Я живо представляю, как за моей спиной вырастет спиртовой горб, и в ужасе шарахаюсь от него: «Пан, мне жарко!». Таможенник ржет в голос: «Жаркие вы какие, русские! Иди, курилка!»

Картина четвертая, коммерческая

Дурачкам и новичкам везет не только в казино: распродала я все в ноль и очень быстро. Чистая прибыль от первой поездки составила сто долларов – нереальные для меня день-

ги. Проблема была в другом: поляки не разрешали вывозить из своей страны валюту. То есть товар покупай любой и вези в свою Россию, а доллары оставь тут. Но мне нужны были именно деньги! Поэтому на обратном пути, обменяв вырученные польские злотые на американские дензнаки, взяла у своих товарок по паре кофточек, чтобы предъявить на таможне. С того момента вояжи в Польшу стали практически еженедельными. Каждый выходной я стояла на польском рынке и голосила про молотки и шкарпеты, а из-под полы сбывала спирт и сигареты.

Картина пятая, бытовая

В начале моего «бизнес-пути», когда я была кормящей мамой, главной проблемой была даже не таможня, а сцеживание. После нескольких часов стояния на рынке грудь распирало так, словно она сейчас лопнет. Когда это давление становилось нестерпимым, бежала в туалет и, согнувшись в три погибели над унитазом, сцеживала молоко. Терпела до последнего, потому что туалет платный, а у меня каждая тысяча злотых на счету.

Ночевали всегда в одном и том же месте, у пани Дануты. За тридцать тысяч злотых с каждой мы имели возможность ополоснуться в душе и поспать на надутых матрасах. Данута считала каждый грош, поэтому и терпела определенные бытовые неудобства, связанные с квартирантами. Просыпались

мы рано: надо успеть занять на рынке место получше. Данута с вечера оставляла нам на кухне термос с кипятком. Мы пили его с оставшимися бутербродами – и снова на передовую рыночной торговли!

Картина шестая, криминальная

Невзирая на мирный характер бизнес-деятельности, из-за спирта шанс загреметь в польскую кутузку у меня был ежесекундно. Привозимый российскими челноками «Ройял» был головной болью местных властей и именинами сердца для тамошних алкашей. И не только алкашей: «шпиритус» охотно покупали и вполне благополучные с виду паны. Именно такие и приходили за ним на рынок. «Ройял» было опасно не только провозить, но и продавать. Если полицейский обнаружит факт продажи – все, кутузка! Вот почему и доставать товар из «внутреннего кармана» приходилось в последний момент: наряд полиции мог запросто проверить наши сумки. Поляки хохотали, узнав, почему бутылка теплая.

Были опасности и другого рода. Как-то зазываю покупателей – и вдруг замечаю, что неподалеку стоит средних лет мужчина и внимательно на меня смотрит. Потом подходит и вежливо спрашивает: «Сколько?» «Что хочет пан?» – весело интересуюсь я. «Ты сколько стоишь?» – без тени улыбки отвечает мужчина. «Я, пан, дама замужняя», – игриво отвечаю я – и слышу слова, от которых просто цепенею: «Еще раз

спрашиваю, сколько? Или я сейчас приведу полицейских и скажу, что ты мне спирт паленый продала». Эх, как я бежала с этого рынка! Девчонки тоже быстро собрались и, подхватив мою сумку, прибежали за мной к Дануте. Торговля в этот день завершилась раньше времени.

Картина седьмая, резюмирующая

Как только нашему кредитору был отдан последний рубль, больше на рынке в качестве торговли я ни разу не появилась. Но о своем «торгашеском» прошлом не жалею ни секунды. Да, спину я надорвала да и нервы потрепала изрядно, но я знала, ради чего это делаю. А главное, поняла, что сильная и многое могу сама. Я не боюсь безденежья и других трудностей, о чем так любят попричитать многие соотечественники. Знаю, что из любой ситуации можно найти выход. Главное, чтобы были здоровы родные и близкие. А еще лишь бы не было войны. Все остальные проблемы – не тяжелее клетчатой сумки.

На «счетчике»

Роберт Ягафаров

Тюмень

В 90-е – студент, сейчас директор фирмы по продаже спецодежды.

Счетчик

Была одна история, что случилась в Италии, в городе Римини, где мы с товарищем почти три недели вялились в самом начале 90-х.

Денег тогда у нас с собою было не очень уж много, но как-то на все хватало и мы отдыхали, как могли, ездили по экскурсиям, глазели на итальянок и скупали различное фуфло в стоковых магазинах.

А в отеле с нами жил тогда один паренек с Коми, лет двадцати. На экскурсии он вообще не ездил, по магазинам тоже не шарился, а в основном сидел с разговорником на пляже и одиноко там покуривал. Мы видели его только в ресторане нашего отеля и никак с ним не общались.

И как-то вот однажды к обеду подкатывает к нашему отелю полицейская «Лянчия» с мигалкой, из которой пара по-

лицейских выводит этого паренька и сдает на рецепцию. Как выяснилось, вычудил он следующее. Оказывается, попал он у себя дома в Сыктывкаре на счетчик. По глупости или еще как, мне неведомо, но кредиторы, по его словам, были люди серьезные, хоть и ходили еще тогда в адидасовских костюмах. А у него семья, ребенок. Попал, короче говоря, по полной.

И вот надумал этот крендель продать в Италии одну свою почку. Взял на последние деньги путевку, прилетел и пошел в местную больницу ее предлагать.

В первый раз его там даже не поняли, итальянского он, естественно, не знал, английского тоже. Развернули прямо в регистратуре. Он тогда проштудировал разговорник, составил какую-то фразу и на следующий день снова там нарисовался.

Ну, выслушали его там, тоже не очень поняли, но раз человек непонятный, иностранец, без полиса, что хочет, непонятно, то на всякий случай в полицию и брякнули. Те его оттуда забрали, привезли к нам в отель, где наша гидша с ними потом разбиралась. Объяснила им, не вдаваясь в детали, что, мол, денег хотел заработать, продать почку и так далее. Те посмеялись, попросили ему перевести, что в Италии, как, впрочем, и в других европейских странах, торговля органами запрещена и никто у него почку не купит.

Не знаю, что у него в голове творилось, но, видно, крепко его на самом деле прижало, потому что на следующий день

он нарыл в справочнике отеля какую-то частную врачебную клинику и снова туда двинул. А там все по той же схеме: звонок в полицию, те его в отель к Наталье, но уже не смеются, а как-то его даже всерьез оформить по какой-то там местной статье хотят. Наталья давай его по новой вытаскивать, мол, такие дела, Россия, мафия, попал на большие деньги, вот и дуркует. А дома полный развал, безработица, ларьки со спиртом «Ройял», криминал, газеты с заголовками «Только золотая цепь спасла бизнесмена от пули киллера» и тому подобное...

А дальше было следующее. Крутилась там при отеле одна местная журналистка, что все это разнюхала и тиснула в риминскую газетенку заметку, какой в России царит ужас и беспредел, что люди даже органы свои вынуждены продавать. Статью эту перепечатала одна римская газета, потом вмешался Ватикан, и под это дело Католическая церковь открыла специальный счет, начав сбор средств для спасения этого нашего несчастного кадра. Не помню, сколько денег они тогда собрали (лиры тогда еще были), мы с товарищем раньше уезжали, но помню, что сумма уже была достаточно солидной. Вполне возможно, что скопили они дай бог ему полностью на долги и все у него ровно закончилось.

Наталья Станчина

поселок Боровский, Тюменская область

Покоритель Сибири

К моей знакомой внезапно нагрянули гости с Урала: молодая супружеская пара. Поначалу они умалчивали о цели приезда, в дальнейшем признались, что имеется серьезная причина. Виталий по месту жительства занимался коммерцией, впутался в неприятное дело и «был поставлен на счетчик». Денег для оплаты долга он не имел, поэтому решил скрыться в наших Тюменских краях.

Многочисленные истории, имевшие место в молодой, но насыщенной жизни Виталия, «лились» в его рассказах нескончаемым потоком. Постоянно нуждался в аудитории, и с этим проблем не было: он запросто заводил новые знакомства.

Жена в целом была недовольна мужем: его чрезмерной болтливостью, занудством, фантазиями, но, в общем, терпела недостатки. Виталий был хорош как «мужчина», а также являлся отменным поваром, даже завтраки подавал жене в постель. Такой вот затейник по части секса и кулинарии.

Ко мне Виталий обратился с просьбой найти хоть какую-нибудь работу. В этом я ему помогла. На работе он долго не задержался – работать физически не привык да и не хотел.

К этому времени неудачный коммерсант приглядел объявление: приглашали на курсы экстрасенсов. С этого време-

ни он «загорелся» идеей стать лекарем: «Я давно чувствую в себе силы целителя, да и глаза-то у меня темные, что немало важно в этом деле...»

Виталий прослушал лекции, заплатил деньги и стал обладателем аттестата. Новоиспеченный экстрасенс активно принялся искать клиентуру. Находились люди, которые обращались к Виталию с недугами, надеялись на помощь, платили ему за сеансы.

С хозяйкой супружеская пара рассорилась, поэтому вынуждена была «снимать» ветхую избушку в центре поселка. Жилище атаковали крысы, и молодой экстрасенс всем знакомым объявил, что покончит с мерзкими тварями благодаря наговорам. Затем убедительно рассказывал об успешно проведенной операции. Надо заметить, что актер он был превосходный.

Навестить внука и сноху приехала бабушка. Рассказала новости, посоветовала дальше продолжать житье-бытье в поселке. Судя по рассказам, бабуля прошла «огни и воды» и в жизни держалась стойко. К этому времени Виталий, в целях выглядеть перед клиентами посолиднее, облачился в дорогой прикид. Бабушка не могла нарадоваться, глядя на внука, приговаривала: «Внучек-то мой симпатуля, ну вылитый «кукленок».

Пока «кукленок» занимался клиентами и крысами, жена решила, что настал подходящий момент избавиться от него. Она начала активно интересоваться мужчинами с жил-

площадью. Подвернулись два варианта: одинокий мужчина, имеющий трехкомнатную квартиру, без постоянного дохода, злоупотребляющий спиртным; и женатый мужчина, согласный предоставить жилплощадь, обеспечивать материально, но в качестве любовника.

Виталий, почуяв недоброе, установил слежку за женой. Пока он воевал с крысами, любимую чуть не увели. Между супругами начались «разборки».

В конце концов жена Виталия решила, что находится под родительским крылом надежнее, и отбыла на родину. Неудачный покоритель Сибири на свой страх и риск вскоре последовал за ней.

Живые звезды

Рита Волкова

Санкт-Петербург

Светка, сникерс и Агутин

В те «лихие» времена Светка Замалдинова была маминой коллегой по челночному бизнесу. Их палатки стояли не только нос к носу, они с матушкой ездили в порой опасные командировки, о которых я знала очень мало, ведь разговоры о бизнесе велись за закрытой дверью под кофе, коньяк и сигареты.

Со Светкой мы активно общались на досуге: то на даче на шашлыках, то на дне рождения у общих друзей, то в походе на концерт какого-нибудь популярного исполнителя.

Светка – довольно симпатичная голубоглазая и длинноногая блондинка. Но у девушки существовал один изъян – длинный нос. И она по этому поводу очень комплексовала и всячески расстраивалась, когда замечали не ее модные прикиды, а ее «выдающуюся» натуру.

Однажды один знакомый привез Светлане в подарок кассету для видека из загранкомандировки. Видеомагнитофон

у девушки, безусловно, имелся, ведь он был атрибутом роскоши. Но техника то ли сломалась, то ли Светка отдала ее каким-то знакомым скрасить «уик-энд». Нашей подруге пришла в голову замечательная мысль. Она примчалась к нам в гости и притащила кассету с собой. В коробке оказался совсем не тот фильм, который взрослые ожидали увидеть. Вместо «Голубой лагуны» обнаружился мультфильм про морячка Попая. Его имя означало вовсе не экзотический фрукт, а намекало на его своеобразную внешность, ведь в переводе с английского «попай» означает пучеглазый. Неунывающий морячок мастерски справлялся со всеми неприятностями и даже злодеями. Светка поначалу надулась, что так и не увидит хваленые острова Фиджи, которые сулили неземное наслаждение, как в рекламе про шоколадный батончик baunty.

«Лучше бы русалочку посмотрели!» – ворчала девушка и, утопая в велюровых подушках дивана, хрустела картофельными чипсами.

А потом Светка как-то втянулась в просмотр мультика и даже смеялась над какими-то приколами.

Но прошло немного времени и Светлана увидела, как в одном заграничном журнале героиня этого мультфильма Оливия – возлюбленная морячка Полая – «рекламирует» духи знаменитого итальянского дизайнера Франко Москино.

Заграничные духи стоили тогда невероятных денег, но Светку выручил пробник аромата. Такой подход был несвойственным для советской парфюмерии и торговли в целом.

В хозяйственном отделе можно было разве что пластмассовую крышечку от флакона понюхать под чутким надзором тетеньки-продавца.

У Светки теперь как-то по-особенному светились глаза, секрет был в том, что к аромату прилагался еще и рецепт обольщения от самой Оливии.

«Итак, ингредиенты: один флакон парфюма, один привлекательный мужчина, а еще щепотка шарма, горстка безумия, штрих недоступности, смех и любовь по вкусу. Осторожно нанесите аромат на наиболее чувствительные части тела: шею, запястье, декольте и даже кончик носа. Затем с холодным видом пройдите мимо вашего мужчины. Игнорируйте его. Советуем доводить мужчину до кипения медленно. Однако если у вас нет времени, вы можете ускорить процесс с помощью нескольких дополнительных провоцирующих взглядов и соответствующих мимолетных фраз. Вы сами решите, когда наступит наиболее благоприятное время съесть его глазами или сделать что-то в этом духе».

А еще Светка купила билеты на своего любимого артиста – Леонида Агутина. Известный тогда по «хоп хей лалалей» начинающий музыкант выходил на сцену исключительно бо-сиком.

На этот концерт Светка потащила нас с мамой в качестве своей группы поддержки. Но что задумала эта белокурая бестия, мы так и не сумели разгадать. Весь вечер Светка в любовном томлении смотрела на сцену, не отрывая глаз.

Леонид баловал публику не только известными композициями, но и исполнял песни в латиноамериканских ритмах на своей белоснежной гитаре. Весь вечер поклонницы заваливали кумира цветами и мягкими игрушками. Когда зардевшиеся девушки возвращались со сцены по проходу в зал, Светка нервно ерзала в кресле.

В один момент она, собравшись с духом, продефилировала к сцене и вручила Агутину импортную шоколадку «Сникерс», активно разрекламированную по всем телеканалам страны. Леонид несколько удивился и, чмокнув девушку в щеку, пошутил что-то про имя любимой лошади семейства Марс, а потом рассмеялся и помог обомлевшей Светке спуститься по лесенке. Наша подруга на негнувшихся ногах доковыляла до своего места и просидела до окончания концерта тише воды с блаженной улыбкой на устах.

Оксана Ястремская

Москва

В 90-е годы – преподаватель английского языка, в настоящее время – заведующая библиотекой.

Тур вальса

Хочу начать свои воспоминания с общего впечатления о 90-х годах. Ведь я была тогда молодая еще, мне было при-

мерно 20 лет, поэтому все вокруг воспринималось великолепно. У меня был другой, позитивный настрой, совсем не такой, как, например, у моей мамы. Маму пугали молодые люди в спортивных костюмах с золотыми цепями на шеях, которых она видела на рынках города.

Нам было весело с друзьями, в магазинах появились импортные магнитофоны, видеопроекторы, множество компьютерных игр, что помогало разнообразить нашу жизнь.

А в продуктовых магазинах – всякие яркие коробочки, ликеры. В общем, если раньше все это считалось дефицитом, то сейчас пожалуйста, к вашим услугам.

Кроме этого, в книжные магазины и в киоски привезли всякой литературы, о которой еще в 80-е годы можно было только мечтать. Фантастику, детективы, боевики, триллеры можно теперь стало смотреть дома. Молодость есть молодость! Потом спустя годы начала понимать, что главным в жизни любого человека являются семья, дети, здоровье близких, стабильная работа и заработная плата, безопасность на улицах. К сожалению, понимаешь это позже. Но я хочу остановиться на забавном случае, произошедшем со мной на концерте.

В 1991 году я купила билет на концерт известной эстрадной певицы Аллы Пугачевой, а теперь она зовется Примадонной, раньше мы таких слов не знали. Тогда стали проводить концерты на стадионах, людей собирали много, обычно

выступала одна «звезда» и молодые таланты.

И на этот раз пели молодые для тогдашнего времени группа «А-Студио», певица Светлана Лазарева, а под конец вышла на поле сама Алла Пугачева. Она была хороша собой, одета модно, со вкусом, пела замечательно, жаль, что всего три или четыре песни. Публика восторгалась.

И вдруг певица начала петь песню «Пригласи меня потанцевать», а затем она пошла «в народ». Под слова песни Алла Борисовна взяла за руку моего друга и вывела на стадион. Они станцевали тур вальса под аплодисменты всего стадиона. Зрители хлопали, можно сказать, искупали их в аплодисментах. Было приятно, просто замечательно находиться на концерте, видеть любимых певцов совсем близко, рядом. Вот и вся моя история. Надеюсь, я хоть чуть-чуть прикоснулась к молодости.

Утраченные иллюзии

Наталья Станчина **Иллюзия успеха**

Когда Виктор в 1994 году стал генеральным директором малого предприятия, его жена смогла себе позволить стать домохозяйкой. На семейном бюджете это никак не отразилось. В семье росло двое детей. В основном их воспитанием занималась бабушка – мать Вероники. Она пенсионерка, но полна сил и энергии. Подобное сотрудничество устраивало обе стороны. Веронику дети утомляли, и она считала за благо время от времени от них отдыхать. Бабушка же, занимаясь с внуками, имела постоянное занятие, чувствовала себя полезной. Да и регулярные поступления с «барского» стола были нелишними – являлись прибавкой к небольшой пенсии. Семья дочери жила на уровне, в деньгах нужды не знала. Дети тоже были довольны подобным раскладом вещей: жить с бабушкой им нравилось больше, чем у себя дома.

Вероника пристрастилась читать любовные романы. Их на прилавки вывалилось великое множество. Ее привлекала пылкость книжных отношений. Подобной страсти у них с Виктором не было. По натуре он был человек сдержанный. По этому поводу он любил шутить: говорил, что под № 1 у

него числится дело, а не тело. Вероника с подобным раскладом была категорически не согласна, принимала как оскорбление. Размеренный образ жизни, масса свободного времени позволяли копить энергию. Нереализованная, она требовала выхода с помощью ежедневного секса.

Вероника считала, что они с мужем проводят вместе мало времени. Считала, что настоящие отношения между мужчиной и женщиной включают бесконечные объятия, разговоры, выяснения отношений.

Подруги завидовали Веронике, что ей удалось удачно выйти замуж. Некоторые из них жаловались на сложное материальное положение. Внешне Вероника им сочувствовала, а по сути – ее мало волновали чьи-то проблемы. Сытый голодного не разумеет.

Стремясь разнообразить жизнь, Вероника одно время пристрастилась к нарядам. Ходила по магазинам, где примеряла, прикидывала. И за полгода умудрилась всю квартиру завалить барахлом. Наступил момент, когда в поисках какой-то вещицы приходилось тратить уйму времени, квартира явно не вмещала в себя содержимое. Тряпки высовывались отовсюду. Стало тесновато, и Вероника стала подбивать мужа приобрести новое жилье – попросторнее.

Виктор иронично отнесся к предложению жены расширить жилплощадь. Он намекнул, что проще урезать количество денег, выдаваемое жене на хозяйственные нужды. Тогда она не сможет затовариваться тряпками в прежнем объеме

и отпадет надобность в более просторном помещении. Вероника очень хотела достойно ответить мужу на остроту, но не могла воплотить свои мысли в слова. На что Виктор сказал:

– Ты напоминаешь собаку, которая все понимает, но сказать не может.

Одно время Вероника взбунтовалась: ее перестала устраивать роль домохозяйки. Она решила подыскать себе работу.

Работающее население подразделяется на три группы. Большинство работают из-за денег, для некоторых работа – любимое занятие (пусть даже малооплачиваемое), меньшинству удастся получать хорошие деньги за любимую работу. Перечисленные группы к Веронике отношения не имели. Она подыскивала себе занятие, как лекарство от скуки.

Муж поначалу не одобрил план жены, считая, что ее первоочередная задача – дети.

Между тем сын и дочь постоянно находились у бабушки, а жена в это время изводила благоверного телефонными звонками, требовала уделить ей внимание. Все это Виктора раздражало, мешало работе.

Позже он сам намекнул жене, что вроде есть место в одной фирме:

– Сходи, узнай, может, они возьмут тебя...

Так Веронику приняли на работу. Появилась возможность демонстрировать наряды и украшения, которые дома были мало востребованы. Вероника считала, что имеет преимущество перед подругами, приятельницами, заполу-

чив приличное место работы благодаря своим способностям, а не с помощью протекции.

Веронике запала в душу телепередача – ток-шоу, где гость программы, знаток женщин, рассуждал:

– Женщина-домохозяйка может завянуть, ей нужно общество и, конечно, – работа.

Виктор на этот сюжет отреагировал так:

– Если этот «дядел» думает, что всех российских женщин можно разместить в офисах, то он глубоко ошибается. Всем там места не хватит. И если на взгляд знатока женщин, дамы «завяли», находясь на содержании состоятельных любовников или супругов, то что можно сказать о женщинах провинции, которые вынуждены «развлекать» себя в коровниках, свинарниках, полях?! Как там умудриться сделать карьеру?

В финансовом отношении Вероника с каждым днем чувствовала себя все увереннее. Ежемесячно ей на руки выдавали приличную зарплату. Финансовая независимость от партнера – вещь довольно серьезная и зачастую развязывает руки в отношении каких-то поступков, решений. Возможность самостоятельно зарабатывать позволила Веронике думать, что Виктор лишился монополии в плане содержания ее и детей. Такой расклад многое менял.

Супруги между собой общались редко. Дети дома почти не бывали. Вероника все больше привязывалась к новому знакомому-«котенку». Прозвище отражало способность любовника мурлыкать на ухо приятные слова, касаясь при этом

тела Вероники усищами. Ей нравились протирания ушей, которые имели место быть в прямом и переносном смыслах.

Вероника с приходом в ее жизнь нового мужчины заполучила то, к чему давно стремилась: бесконечные занятия любовью. В отношениях с «котенком» вначале было тело, а после – дело.

Вероника всегда считала, что муж ее недооценивает: скуп на похвалы, недостаточно оказывает ей внимания. «Котенок» с лихвой восполнял этот пробел: бесконечно сыпал комплименты, умудряясь их оформить так, что и сам представлял в выигрышных тонах.

В преддверии нового года Вероника приняла решение начать новую жизнь – жизнь, в которой не будет Виктора, но будет «котенок». Она решила объясниться с мужем в старом году.

Вероника ожидала бурной реакции на ее сообщение. Этого не произошло. Виктор довольно спокойно прореагировал на информацию.

Мало того, он объяснил, что на работу ее приняли благодаря его предварительной договоренности. Виктор сам платил Веронике зарплату – лишь бы она не донимала его глупостями...

Наталья Станчина

Мечта от мисс Марпл

Многие загорелись идеей свободы, возникшей в начале 90-х, когда буквально всем предлагалось «окунуться» в богатую жизнь (по примеру капиталистических стран). И муж моей знакомой тогда поверил в такую возможность. Он так и говорил: «Есть другая, обеспеченная жизнь – та, которой я достоин. Если я буду трудиться, а уж это я умею делать лучше соседа, то начну получать много денег...» Дом Михаил заимел, но содержать хозяйство на том уровне, как мечталось, не совсем получилось. Желания его постепенно уменьшились, не до роскоши, хоть бы выжить в теперешних условиях...

Поначалу дом и пространство перед ним способствовали возникновению положительных чувств у Марины и Михаила. Радостно было осознавать, что это их территория. Но за всем этим нужны были уход, финансовые вложения, ограничения во всем. Маринке, например, недосуг было встречаться с приятельницами...

Михаила привлекал стиль жизни англичан. Он его подсмотрел в сериале «Мисс Марпл», поставленном по произведениям Агаты Кристи. Иногда он восклицал:

– Живут же люди! Порядок во всем: дома, во дворе, на улице. Видно, умеют работать и обеспечивать себе достой-

ную жизнь. Мы тоже будем жить так.

Михаила привлекали не столько герои фильма, сколько обстановка, на фоне которой разворачивались события. Глаз его радовали домики в английской деревне: добротные, со- держащиеся в порядке. Ему приглянулось поставленное на серьезную основу кулинарное дело. Пленили своей красотой цветы и кустарники возле жилища. И когда Михаил фикси- ровал свое внимание на этих деталях, он как бы приглашал Марину отчитаться о проделанной работе в домашнем хо- зяйстве...

Но поддерживать дом и двор на высоком уровне было непросто. Михаил же искренне недоумевал: почему они не могут добиться такого результата, как у англичан?

Поначалу на мелкие уколы мужа Марина не реагировала. Уже после она выдала мужу:

Английский порядок тебе нравится, цветы, меню их вле- кут. А обратил ли ты внимание на тот факт, что домашней работой занимаются не герои произведений Агаты Кристи, а обслуживающий персонал?

Выходит, персонажи относятся к классу буржуазии, су- ществующей за счет прибавочной стоимости, получаемой в результате наемного труда. Мы к таковым не относимся. Ты обратил внимание на вальяжный вид действующих лиц? Неспешный ритм их жизни явно показывает, что никто ни- куда не торопится. Если бы английская леди работала как я и, придя домой, включалась в хозяйственный круговорот,

думаю, ее спокойствие и невозмутимость улетучились бы как дым. А то до того английская буржуазия расслабилась, что убийства выглядят как развлечения – не будь которых, жизнь была скучна. А тут замочили очередную жертву – смотришь, окружение несколько очнулось после сна.

Со временем Марина убедила Михаила, что в Англии – картина другая. Большую роль в становлении класса буржуазии играло наличие колоний. К началу XX века Англия стала одной из самых могущественных и богатых стран мира. В Британскую империю входили Австралия, Афганистан, Западная Африка, Индия, Канада, Персия, часть Бирмы, острова в Тихом океане. Наличие дешевого сырья и рабочей силы в колониях приносило прибыль. Накопленный капитал позволял и позволяет безбедно существовать английской буржуазии.

Мечту о своем доме Михаил осуществил, но обустроить его, как рисовало прежде воображение, – не получилось...

Немыслимое

Инна Иохвидович

Штутгарт (Германия)

Прозаик. Автор 22 книг. Работала библиографом, редактором. В 90-е годы преподавала в частном Университете средств массовой информации, также работала в частном фонде.

Настоящие «герои безгеройного» времени

В 90-е годы случалось то, о чем мы раньше и в романах не читали. Про этот случай рассказала мне добрая знакомая Ася. Ведь после перестройки и развала СССР особенно страдали служивые: врачи, учителя, библиотекари... Хорошо, если удавалось пристроиться гувернанткой, а то больше сиделками, уборщицами, всякой другой прислугой у новых богачей, у нуворишей...

Ася и начала работать у одной из этих. Про ее хозяйку после ее бегства говорил весь город...

Она недолго проработала у этой женщины, «бизнес-леди», владелицы магазинов. У той не было мужа, но была де-

вушка-дочь и старик-отец, и Ася была в этом доме не столько сиделкой, сколько экономкой, домработницей и кухаркой в одном лице. Мила – хозяйка – была обаятельнейшим существом, чего особенно Ася и опасалась, памятуя, что обаяние – черта демоническая, особо присущая современным аферистам и мошенникам.

Когда Мила отказалась от ее услуг, попросту говоря – уволила, Ася была приятно удивлена не только «полным расчетом», но и как бы «выходным пособием». Она даже корила себя, что вечно подозревает людей, видит в них что-то нехорошее, а нужно довериться миру, иначе смотреть на окружающих, видеть их лучшие стороны.

Но через несколько месяцев все уже говорили о Миле, растерянно и возмущенно гудел народ, и эта леденящая душу история была у всех на устах.

Оказалось, что Мила под большие проценты занимала деньги у самых разных людей «по кругу», у одних занимала, с другими этими деньгами расплачивалась, аккуратно с процентами, и снова занимала... Как стало известно, она уже несколько лет проворачивала подобные операции, занимая все более и более крупные суммы. Ей в охотку давали, в том числе и бандиты (то есть респектабельные руководители преступных формирований). Все «даватели» были людьми бывалыми, опытными, у многих были «ходки» еще на «советскую зону».

Но однажды Мила вместе с дочерью и с суммой около

нескольких миллионов долларов исчезла.

Однако «бывалые» были спокойны, ведь старик-отец оставался, он у них был кем-то вроде заложника. Бандиты очень заботились о старике и, конечно, стерегли его – он же был их единственной надеждой на получение своих «кровных».

Ах, ошибались бандиты – знатоки людской психологии! Как выяснилось позже, квартира, в которой проживал старик, была уже Милой продана, и несчастный старик выписан (естественно, за взятку) с этой жилплощади. Они и не знали о том, что когда старик узнал о предательстве дочери, он включил газовую колонку... А они ведь так берегли его – как зеницу ока! Охрана у подъезда день и ночь стояла!

Они и похоронили «деда», как называли его. И в ресторане справили поминки по нему, хоть был он не только самоубийцей, но и евреем.

– Такая сука чтоб была, чтоб родного отца... – меланхолично-пьяно рассуждал, сидя в собственном ресторане за поминальным столом, один из кредиторов.

– А еще еврейка! Вот времена настали, когда ничего святого даже для жидов не осталось, – пораженно сокрушался давший Миле триста тысяч «беспредельщик».

Так закончилась одна из многочисленных страшных историй этого страшного времени, с участниками которой Асе пришлось непосредственно соприкоснуться.

Лариса Петрашевич

Монреаль (Канада)

В начале – середине 90-х работала переводчиком с македонского и сербскохорватского языков (до развала Югославии).

Педиатрическая поэма

Она была очень, очень известным педиатром в Москве. О взращенных под ее досмотром здоровых детишках (ранее хворых) ходили легенды.

Шел 1991 год, то есть время было особое, раскуроченное. Но, оказывается, и в этой свистопляске странных событий кое-кто рожал детей. Я, например.

Сыну было полгода, когда у него начались аллергические реакции на младенческую еду, плюс всякие другие моменты, совершенно нормальные, но волнующие молодую мамашу и доводящие ее до полноценных панических атак (а вдруг с моим ребенком кошмар и беда, а я живу себе и в ус не дую?).

И конечно же, такая мамаша ни за что не поверит участковому педиатру и отвергнет его заключение как чудовищное и нежизнеспособное.

И вот тогда знакомая рассказала мне о ней, о великом педиатре Нине Павловне (допустим, звали ее так). Тут же до-

бавила, что она уже давно на пенсии и ни в поликлинике, ни дома не принимает. Единственное, что возможно при таких обстоятельствах, – договориться о выезде на дом.

Я позвонила. По голосу я поняла, что Нине Павловне невероятное количество лет, и даже на мгновение заколебалась: а ну как она в безнадежном маразме и не будет ли оплошностью подпустить ее к ребенку?

Но Нина Павловна хоть и скрипуче, но отчетливо объявила, что может приехать при условии, если ее привезут-увезут на автомобиле плюс 25 рублей за консультацию.

В 1991 году, скажу я вам, это было капец как недешево. Но я согласилась.

Ее доставили и ввели. Лет ей было конкретно за 80. Сухая, согбенная, крохотная. С палкой и чуть трясущейся головой. Осмотрев ребенка, она тут же перечислила мои ошибки и сказала, что нужно делать только так, как она скажет (императивно).

Попросила тетрадь и собственноручно (мне, как безмозглой мамашке, не доверила пера) расписала буквально все: как кормить, чем кормить, как и когда купать, сколько гулять – на кучу листов. Взяла 25 рублей и была транспортирована до места жительства на легковом автомобиле (упросила знакомого, дай Бог ему здоровья, – такси мне тогда было не потянуть). Жила педиатр, кстати, в одном из очень престижных домов в самом центре Москвы.

В дальнейшем я действовала по тетрадочке – и все ал-

лергии и мелкие болячки отступили. Затраченные 25 рублей окупилась сторицей, потому что Нина Павловна была действительно гениальным детским врачом.

* * *

Прошло, может, года два. У одной моей приятельницы образовались некоторые проблемы с ее младенцем, и, услышав мой рассказ о Нине Павловне и ее волшебных индивидуальных записях, она стала умолять разыскать ее во что бы то ни стало.

Номер телефона я по безалаберности потеряла, а поэтому обратилась к той самой знакомой, которая в свое время мне его и дала.

Услышав, что я ищу Н.П., она горестно вздохнула и сказала, что поздно: какое-то время назад умерла старейший педиатр.

Да, лет ей было немало, удрученно заключила я.

(А эта моя знакомая жила в том же самом великолепном доме, что и Н.П., то есть была ее соседкой). Она мне ответила, что нет, совсем тут и не в годах дело.

Оказывается, светило педиатрии, великая Н.П., жила со взрослым внуком, с которым находилась в сложных отношениях (поэтому и не принимала на дому, а сама ездила по младенцам).

Однажды внук выставил ее из дому среди ночи (возраст,

напомню, 80+) и сказал, чтоб ее ноги здесь больше не было – потому что охренеть как надоела.

Ноги действительно больше не было, поскольку утром соседи обнаружили легендарную Нину Павловну уже несколько часов как умершей возле мусорных баков у того самого дома, где в свое время она получила квартиру за значительный вклад в советскую педиатрию.

Вот оно, «заграничное»!

Ната Хаммер

Москва

До 90-х годов – переводчик. После 90-х – преподаватель, турагент, директор международных программ, домохозяйка, писатель.

Горячие собаки

Это было летом 1994 года в Москве. Я зашла в гастроном на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов и встала в очередь в отдел импортных продуктов. Очередь была небольшая, человек пять, и я рассчитывала покинуть магазин минут через десять с пачкой разноцветных макарон в виде бантиков, не нанеся магазину и покупателям никакого ущерба. Проблема была в том, что я зашла в магазин не одна. Со мной был четырехлетний Вовочка, настоящий Вовочка, герой популярных тогда анекдотов. Любимой игрой моего мальчика были догонялки, причем за собой он всегда оставлял роль убегающего. Крепко удерживаемый за руку в условиях очереди, он обычно развлекался, наступая на ноги соседям и заглядывая в чужие сумки и карманы. Но поскольку

ку в тот момент ум его был занят решением примеров с отрицательными числами, о существовании которых он узнал накануне, у меня была надежда на благополучный исход из магазина. Но...

Почти сразу после того, как мы встали в очередь, дверь магазина со стуком распахнулась, и на пороге появилась дама средних лет, вся «фирменная», с россыпью бриллиантов во всех положенных местах, волочащая за собой тяжелый запах французских духов «Клима», причудливо смешивающийся с витавшим в гастрономе запахом подгнивших овощей, хлорки и замызганной половой тряпки из мешковины. Вся очередь, как по команде, повернулась в сторону двери. И я тоже. Но не Вовочка. Его внимание уже привлек яркий полиэтиленовый пакет стоящего впереди нас курпулентного мужчины в джинсах «Ранглер», куда Вова и потянул свои шаловливые ручки.

Дама решительно прошагала к отделу импортных продуктов, достала из сумки упакованную в вакуум пачку сосисок и шмякнула ее на прилавок. «Вы меня помните?» – грозно спросила она у продавщицы. «Конечно, – ответила та. – Вы купили у меня сосиски и бутылку кока-колы». «Отлично, – сказала дама, – зовите директора». «А в чем дело? – пыталась прояснить ситуацию продавщица. – Эти сосиски годны еще три месяца. Видите – написано: Е, Хэ, Рэ – это значит срок годности. Еще три месяца». «Зовите директора!» – настаивала дама, не опускаясь до объяснений на низовом уров-

не.

Вовочка тем временем потянул за угол соседского пакета, и пакет надорвался по шву. Мужчина обернулся, увидел нанесенный ему ущерб и возмущенно пробасил: «Девушка, следите за своим ребенком. Вы видите, что он наделал?! Где я возьму другой пакет? В чем я понесу продукты?!» Я извинилась, схватила Вовочку за обе руки, Вовочка начал орать и брыкаться. Я стала прикидывать, так ли мне нужны макароны бантиками. По всему получалось, что нужны. Вечером ожидались гости, и мне хотелось удивить и накормить их, не затрачивая на это массу времени. Тем более что в заплечном рюкзаке уже лежала бутылка молдавского «Каберне», купленная в соседнем с магазином киоске, отлично сочетающаяся с трехцветными макаронами и мягким сливочным вкусом «Российского» сыра из моего холодильника.

Я попыталась отвлечь Вовочку, подкинув ему очередной пример с отрицательными числами. Но Вову примеры уже не интересовали, он отчаянно рвался на свободу. На его крик очередь отозвалась призывами ко мне усмирить своего хулигана и отрицательными оценками моих способностей как воспитателя подрастающего поколения. Продавщица тем временем сходила в подсобку и вернулась с дамой, в которой безо всяких бейджей, которых тогда еще не носили, угадывалась величественность Директора Гастронома на Ленинском проспекте. «В чем дело?» – строго обратилась директриса к бриллиантовой покупательнице.

«Это я вас хочу спросить – в чем дело, – парировала та. – Как у вас хватает наглости продавать людям собачьи сосиски?!» Директриса взяла пачку в руки, повертела со всех сторон и, не найдя на упаковке ни одного слова на русском, положила обратно. «С чего вы взяли, что сосиски собачьи? У меня по накладной они проходят как сосиски свиные». «Потому что я знаю английский язык, – высокомерно процедила дама. – Здесь ясно написано: “Хот догз” – горячие собаки!» Директриса, сохраняя каменное выражение лица, опять взяла пачку и стала ее вертеть. «Вот сволочи! – возмутился мужчина передо мной. – Совсем обнаглели эти торгаши. Скоро крысиным ядом кормить нас станут».

И тут наступил момент моего торжества. Я закрыла вопящему Вове рот ладонью, выступила вперед и произвела короткий экскурс в историю американских сосисок немецкого происхождения и иллюстратора Даргана, который не был уверен в правильном написании немецкого слова «дакшюнт» – такса, и переименовал сосиски «дакшюнт» в «горячих собак». Бриллиантовая дама молча забрала свои долгоиграющие сосиски, срок годности которых истекал только через три месяца, и бесславно покинула магазин, а мужчина в «Ранглерах» предложил присутствующим пропустить меня к прилавку без очереди, потому что «бедный мальчик уже устал и больше стоять не может».

Знание иностранных языков еще не раз выручало меня в российских магазинах в 90-х, пока не были приняты зако-

ны, обязывающие снабжать все импортные товары этикетками на русском языке.

Олег Жданов

Москва

писатель, литературный обозреватель «Комсомольской правды». До 90-х – студент, журналист; в 90-е – журналист; после 90-х журналист, писатель.

Футболка

Так сложилось, что материальные мечты не посещали меня первые двадцать лет моей жизни. Нет, ну, конечно, иногда мне хотелось «Пепси», мятной жвачки, «Лакомку» за 28 копеек, новый набор солдатиков-индейцев или билет в кино на фильм с Гойко Митичем, но все это можно сказать – не считается. Невероятным образом мимо меня прошли желания джинсов, джинсовых курток, кроссовок «Adidas» и «Botos», мопедов «Рига», «Верховина» и «Карпаты», мотоциклов «Ява» и «Cezet». Плавнo перейдя от детских книг к взрослым и от игрушек к портвейну, я мечтал о счастье, любви и о справедливости. Вот именно тогда в мою дверь постучались 90-е годы XX века и по неизвестной мне социально-магической причине я вдруг начал мечтать материально.

Однажды вечером, проходя мимо клуба на одной из центральных улиц города, я осознал, что очень хочу черную футболку с какой-нибудь ненашей надписью. Сегодня я думаю, что «утюги» и фарцовщики были очень милосердными людьми, ибо в конце 80-х – начале 90-х годов советские люди так мало понимали в надписях на футболках, что продавать можно было просто наборы готических букв, но они так не делали. Спустя неделю меня настиг тот день, когда я, смущаясь и пытаясь изобразить на лице равнодушие, уже шел по вещевому рынку в поисках черной футболки с надписью. Первыми на осколках СССР появились футболки с сердечками и признанием в любви какому-нибудь, как правило, американскому городу. Следом шли футболки со страшными рисунками и надписями в формате heavy-metal и hard-rock. Но разве мог я, настоящий гуманитарий и неведь что возомнивший о себе журналист-молокосос, носить эту банальность в жанре Канала «2×2», который тогда еще не показывал мультфильмы, а был настоящим музыкальным телеканалом. Мне нужна была цитата из текста какой-нибудь концептуальной группы. Лучше всего из «Pink Floyd», конечно, но «Doors» тоже подойдет. До сих пор помню, как мы встретились взглядами. Нет-нет, не с продавцом. Им было опасно смотреть в глаза, в те годы они лучше Кашпировско-

го и Чумака и даже всех вокзальных цыган вместе взятых могли проникнуть к тебе в душу, и ты бы купил «на все, что есть» и шел бы домой пешком, понимая, что впереди у тебя абсолютно голодный месяц в обновках. Я увидел ЕЕ. Черную как смоль и умопомрачительно стильную. Тонкая ткань футболки, которую можно было носить и под рубашкой, как нас через сериалы научили «америкосы», казалось, поглощала свет. На груди, именно там, где должно было биться только мое горячее сердце, звучала начертанная фраза глубочайшего философского содержания и подходившая для всех возрастов и религий: All you need is love...

Господи и все святое Политбюро, как она была прекрасна! Стиснув зубы, чтобы не закричать от счастья, я отвернулся от нее и предательски дрогнувшим голосом как бы невзначай произнес:

– Ну, а эта сколько?

– Двадцать пять рэ, – как гром прозвучало в ответ, и я понял, что глаза поднимать нельзя, ибо там бы я встретился с холодной усмешкой лузгающего семечки дьявола и знатока человеческих душ.

Мне не нужны были деньги, все, что мне было нужно – это любовь, и именно ее за очень дорого мне сейчас и предлагали. Я сглотнул ужас и кивнул.

* * *

Контролеров и тем более валидаторов тогда в общественном транспорте не было, и я «зайцем» по причине полного отсутствия денег добрался до дома. Мама с ужасом посмотрела на мой выбор и предложила тут же постирать обновку потому, что доверять кооператорам и всем тем, кто пытается нажиться на горе трудового народа, нельзя, нельзя и еще раз нельзя. Я был ошарашен, понимая, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. Мама что-то еще спрашивала про размер, чек, возможность обменять, если не подойдет, но я знал, что главное совсем в другом. Главное, что футболка теперь у меня есть и как бы было круто, если бы я ей подошел.

Нельзя оставлять человека в беде

Марат Валеев

Красноярск

Журналист, с 1972 по 2011 год работал в областной, районных газетах Павлодарской области Казахстана, окружной газете в Эвенкии. Сейчас пенсионер.

Кровные узы

Был декабрь 1997 года. Я лежал в отделении сосудистой хирургии с обострением. В палате со мной также мучились болями, терзающими их ноги из-за недостатка кислорода, плохо поступающего в ткани с кровью по суженным или вообще «забитым» артериям, еще двое мужиков.

Артур Иванович лежал, как и я, под капельницей. А Витя Брюханов, мужик лет сорока из канской глубинки, беспокойно хромал по палате. Подошла его очередь на «штаны» – операцию по аорто-бедренному шунтированию. Это когда делают разрезы на животе и бедрах в форме штанов, чтобы добраться до артерий.

Во время этой длительной операции больному постепенно вливают до двух литров теряемой крови. А в 90-е ее ката-

строфически не хватало – доноров лишили всех льгот, и они перестали сдавать кровь. Так что больным зачастую надо было самим раздобывать для себя доноров или покупать кровезаменитель – плазму. Даже бинты надо было иметь свои!

Хорошо было тем, у кого в городе имелись родственники или друзья, они-то и становились донорами. У Вити в Красноярске никого не было.

В его деревне, откуда ему на медсестринский пост изредка звонила мать, доноров нормальных просто не осталось, да и кто бы их сюда привез и увез? Денег на плазму у Вити тоже не было. И помочь ему было некому, он жил со старенькой матерью один, жену же у него отбил и увез несколько лет назад в неизвестном направлении его же лучший друг, о чем Витя как-то поведал нам в порыве откровенности.

Мы бы с Иванычем с радостью отдали ему свою кровь, но у нас ее не брали. Денег и у нас тоже не было – тогда, если помните, везде было плохо с наличкой, зарплаты вырывались с боем. Вите оставалось лишь уповать на чудо. До операции оставалось два дня, а у него ни крови, ни плазмы. Операцию же откладывать было крайне нежелательно – могла начаться гангрена...

И назавтра свершилось чудо. Пришел заведующий отделением и сказал, что Витю будут готовить к операции.

– Дак а кровь-то?.. – испуганно спросил Витя. Оказалось, кто-то сдал для Вити свою кровь.

– Но кто?.. – растерянно сказал Витя. Однако заведеле-

нием уже ушел.

Витю на операцию забрали следующим утром. Его не было двое суток. Прикатили Витю в палату из реанимации бледного, с сизыми небритыми щеками, но уже с живым огоньком в глазах.

Перебинтованный с бедер и почти по грудь, он слабым, но счастливым голосом рассказывал, как его усыпляли перед операцией, а он никак не мог заснуть, как тоскливо и больно ему потом было в реанимации.

– К вам посетитель!

В дверях палаты улыбалась медсестра Танечка. Мы обернулись все трое: к кому? Оказалось, Танечка улыбается Вите! Она впустила в палату мужчину примерно наших лет, с накинутым на плечи белым халатом.

– Серега?! – изумленно спросил Витя и даже попытался приподняться с постели, но сморщился от боли и снова упал на подушку. – Откуда? Как ты меня нашел?

– Да уж нашел, – сказал посетитель, усаживаясь на стул рядом с кроватью Вити. – Живу я в Красноярске. А в деревню звоню иногда, вот и узнал. Ну, как ты?

– Да нормально, – почему-то помрачнев, сказал Витя. – Операцию вот сделали, ногу мне спасли...

– Знаю, – проявил свою осведомленность гость и улыбнулся.

Витя взгляделся в эту улыбку, и на лице его вдруг проявилось явное замешательство.

– Погоди, – хрипло сказал он. – А это... Кровь-то не ты ли для меня сдавал, а?

Теперь пришла очередь замолчать Сергею. Наконец он с неохотой сказал:

– Ну, я. Мне заотделением все рассказал, когда я узнавал насчет тебя... Да это... ты не думай... Стал бы я тебе один целых два литра своей крови сдавать, как же! Я взял еще мужичков из своей бригады.

– Значит, это ты... – продолжал упрямо твердить Витя. – Ну, спасибо, раз так. Только я тебя все равно не прощу за Ольгу, понял? И этими своими... кровными узами... ты меня не свяжешь, понял?

Сергей неожиданно опять широко улыбнулся.

– Ну, раз сердишься, значит, будешь жить. А больше мне ничего не надо! Бывай, друг! И вы, мужики, бывайте!

И Сергей, пожав неподвижно лежавшую на груди Вити его руку, попятился к выходу.

Уже в дверях его нагнал негромкий Витин оклик:

– Слышь, Серега! Ольге тоже от меня привет. Живите, хрен с вами!..

И по просветлевшему лицу Сергея стало понятно, что эти слова для него были лучшей благодарностью бывшего друга. А может, и не бывшего.

Он молча кивнул и вышел из палаты...

Надежда Рябова

Талгар (Казахстан)

До 90-х и в 90-е трудилась оператором ЭВМ и бухгалтером-ревизором в разных организациях.

Нельзя оставлять человека в беде

В 90-х трудно приходилось всем. И мне в том числе. Жили мы вдвоем с дочерью. Работала я тогда в банке, зарплату получала неплохую, но как-то вдруг ввели чековые книжки. Деньги перестали выдавать. Правда, можно было расплачиваться в магазинах чеками, но их неохотно брали, а однажды мы и этого лишились. Зарплату стали перечислять на книжку, а с книжки снимать не разрешали, ссылаясь на то, что денег в банке просто нет.

Чтобы как-то выжить, пришлось искать дополнительный заработок. Подруга помогла, устроила на железнодорожный вокзал, мыть СВ-вагоны. Два раза в неделю, после основной работы, я спешила на вокзал, нужно было успеть к прибытию поезда. Платили неплохо, радовало то, что деньги выдавали сразу же после окончания работы и наличными. В основном вагон мыли два человека. Я бралась за работу одна, чтобы заработать больше. Целый вагон убирать одной трудновато: натереть стены и двери до блеска, зеркала, окна, вымыть пол,

пропылесосить ковровые дорожки, заправить постель в каждом купе, поменять шторы на окнах. Дел хватало.

Иногда мне удавалось закончить работу до полуночи, тогда я успевала на последнем дежурном автобусе добраться домой, а когда не удавалось управиться вовремя, проводники разрешали ночевать в вагоне. Жутковато одной, закроюсь в купе, руки от усталости ломит, ноги гудят, уснуть не могу. Лежу, прислушиваюсь к стуку проезжающих поездов, наконец усталость берет свое, и я засыпаю. Ночь пролетает незаметно, кажется, только лег, а уже вставать пора. Надо до работы успеть заехать домой, принять душ, привести себя в порядок.

В тот день я неважно себя чувствовала, поэтому закончила с уборкой после часа ночи. Думала остаться ночевать в вагоне. Я уже в тамбуре пол домывала, когда к проводникам моего вагона пожаловали гости. Двое молодых людей, изрядно выпивших, с собой принесли спиртное и стали его распивать. Не знаю, что за праздник у них был, но пили они много. Я закончила с уборкой, попросила со мной рассчитаться, забрала деньги и собралась уже пойти лечь спать. Но один из гостей стал приставать ко мне; еле отбившись от нападков пьяного, я вышла в ночь. Не оставаться же в вагоне рядом с четырьмя пьяными мужчинами, правда, домой добираться в это время тоже страшно. Но выбора не было.

Поздняя осень, на улице темень, холодный ветер бьет в лицо, дождь льет как из ведра. Наш вагон стоит на отшибе,

в резерве проводников. Плетусь на привокзальную площадь. А там ни души, ни машин не видно, ни людей. В этот час по расписанию нет поездов, поэтому и такси нет. Стоять холодно, решаю идти по направлению к дому, в надежде, что по пути удастся остановить такси или машину.

Иду по улице, вдруг вижу, на противоположной стороне из кафе выходят парень с девушкой. Высокие такие, под два метра ростом, плотного телосложения. Увидев меня, они переходят на мою сторону дороги, преграждают мне путь. Стою перед ними – худенькая, хрупкая, маленькая женщина (в ту пору я была такая), метр с кепкой ростом – и не могу понять, что этим пьяным, почему-то злым, людям нужно. Они меня не пропускают, стоим друг против друга, они молчат, я от страха тоже. Неожиданно девица вырывает из моих рук зонт и кричит: «Мне зонт твой нужен, он к моему пальто подходит!» Что-то подсказывает мне, что не нужно ничего говорить в ответ. Я молча стою и смотрю на пьяных людей. Парень со злостью кричит мне: Что стоишь, корова! Иди уже!» А девушка ему: «Ты посмотри, может, у нее что-то ценное есть!»

Вдруг я замечаю, что на дорогу из переулка выворачивает машина, я неожиданно срываюсь с места, выскакиваю чуть ли не под колеса, пытаюсь эту машину остановить. Водитель резко тормозит, удивленно смотрит на меня и спрашивает: «Что случилось?» Стою вся мокрая от дождя, дрожу от холода и не могу вымолвить ни слова. Вижу, что парень с де-

вушкой бегут в мою сторону, замечает их и водитель. Он командует: «Быстро в машину!». Я открываю дверцу, сажусь на переднее сиденье, едва успеваю закрыть дверь, как машина срывается с места, оставляя позади моих преследователей.

Водитель опять спрашивает, что же со мной случилось и куда мне нужно добраться. Слезы застилают глаза, говорить не могу, лишь рукой показываю направление. Это такая защитная реакция у меня: когда на что-то обижаюсь или чего-то боюсь – замолкаю. Вдруг за спиной чувствую какое-то шуршание и детский голос: «Тетенька, не плачьте, мы не оставим вас в беде, ведь правда, папа?» Поворачиваю голову и вижу – голубоглазого мальчугана, лет пяти-шести. Добрый взгляд красивых глаз и нежный его голосок как-то сразу успокаивают. Наконец ко мне возвращается способность говорить, я объясняю, куда мне нужно попасть. Водитель явно огорчен, ему нужно совсем в другую сторону.

Я говорю, что заплачу, только довезите меня до дому. Мужчина молчит, а мальчуган неожиданно говорит отцу: «Папа, ты же сам меня учил, что нельзя оставлять человека в беде. Давай тетеньку до дому довезем». Отец только улыбается в ответ, разве он может отказать сыну? Мы едем в сторону моего дома. Мужчина спрашивает меня, почему хожу так поздно одна, я отвечаю, что возвращаюсь с работы. Он довозит меня до дому и не хочет брать денег. Я благодарю его, но деньги все же кладу на сиденье и бегу домой. Мама с дочкой давно спят, я тихонько пробираюсь в ванную комнату

и включаю горячий душ. Из головы не выходят слова голубоглазого мальчугана: «Нельзя человека оставлять в беде». Думается, что из этой крохи вырастет настоящий мужчина.

Николай Зайцев

Талгар (Казахстан)

Работал в топографической экспедиции, закройщиком, радиомехаником, мастером по изготовлению очковой оптики, корреспондентом.

Просветление

Витька проснулся от настойчивого стука в дверь. Он повернул голову в сторону звуков, доносившихся с лестничной площадки, втайне надеясь, что если шумно не двигаться, тогда стуки прекратятся сами собой. Вчера с друзьями, после удачной работы на рынке (разгружали фуры с китайским товаром и неплохо заработали), хорошо погуляли прямо тут же у него в квартире. Голова трещала по швам, и двигаться не хотелось, и желания видеть кого-то не возникало. Когда-то Витька был классным сварщиком, имел постоянный заработок, но в стране случился бардак, мамаша его, с которой проживал, в этой самой квартире померла, и, оставшись один на всем белом свете, он пустился во все тяжкие – стал работать грузчиком, выпивать и, как следствие того, думать

только об одном дне своей будущей жизни. Вчерашний день бесследно минул, а сегодняшний начинался неудачно – все деньги пропиты вчера, а в дверь стучали не переставая. Он поднялся и пошел открывать.

На площадке толпились соседи, он их плохо знал, лишь иногда видел и здоровался. Вперед выступила дебелая соседка – тетя Вера, что всегда приоткрывала свою дверь, когда он приходил домой, и знала все и обо всех.

– Нужно дверь открыть, – она показала на дверь соседней квартиры. – Сосед уже третьи сутки не выходит. Помер, поди, а узнать некому.

– Милицию надо вызвать, они и разберутся, – ответил Витька, в душе радуясь, что сбор соседей произошел не по поводу вчерашней гульбы у него в квартире.

– Пока они приедут, он уже вонять начнет. – Она подала ему монтировку, неизвестно откуда вынутую. Делать было нечего, и Витька решился поработать взломщиком по просьбе общественности. Дверь оказалась ветхой и быстро подавалась, и соседи гурьбой ввалились в помещение. Квартира была обставлена старой мебелью, а на диване ничком лежал тот самый старик, что поселился здесь полгода назад, а вот почему это произошло, никто не знал. Знали, что сюда привез его сын, заселил в пустующую до той поры квартиру, а сам исчез и больше не баловал отца своим присутствием. «Так я и знала, – объявила тетя Вера. – Теперь начнутся допросы, успевай отвечать». Витька подошел к дивану и попытался

повернуть тело. Старик тихо застонал. «Живой, надо “Скорую” вызывать», – скомандовала соседка.

«Скорая» приехала быстро, даже не все соседи успели разойтись. Доктор, навсегда прикрывший лицо маской пессимизма, осмотрел старика, сделал укол и, будто исполняя нудную, чужую работу, промолвил:

– Сильная простуда. Вот рецепт, купите лекарства, пусть пьет три раза в день.

– Так вы его в больницу возьмите, здесь за ним некому ухаживать, – резонно заметила соседка.

– А медицинский полис у него есть? – спросил врач.

– Откуда мы знаем?! Он сам недавно здесь появился, – наступала тетя Вера.

– Найдете страховку – звоните, приедем, заберем, – отвечал врач, будто разговор шел о старой мебели. Витька с бодуна плохо соображал, но понимал, что старик остается и помочь ему некому, потому что все соседи исчезли вслед за доктором. Он зачем-то посмотрел рецепт – ничего не понял – и пошел к себе. Прохаживался по комнате, потом принял душ, выбрился, пока не понимая, зачем он все это делает – на рынке приняли бы и такого, как есть. Что-то не давало ему покоя, он думал о старом человеке, которому нужна помощь, но некому помочь. Витька переоделся и пошел к старику. Тот лежал на спине, прикрыв глаза, и дышал с хрипом.

– Отец, – позвал Виктор и, когда тот открыл глаза, спросил: – У тебя деньги есть? Лекарство надо бы купить.

Старик глазами показал на шкаф и чуть слышно прошептал:

– Там, в кармане, в плаще. – Витька открыл шкаф, увидел старенький плащ военного образца и нашел в кармане платок, куда были завернуты деньги.

«Негусто», – подумал он, а больному сказал:

– Ну, я в аптеку, – и сразу вышел.

Аптека находилась за углом соседней многоэтажки, их нынче расплодилось много, и все были доверху заполнены лекарствами – выбирай на всякий вкус, от любой хвори, а недавно простой аспирин нельзя было сыскать. С такими мыслями он вошел в аптеку и подал в окошечко рецепт. Девушка неласково осмотрела клиента (видимо, недобрился и перегар еще не выветрился), потом глянула в рецепт и спросила:

– Вам все, что здесь указано?

– У деда сильная простуда, как посоветуете?

– Антибиотик обязательно нужен и сердечное средство, раз человек старый, – определила она. Принесла лекарства, а Витька, будто извиняясь, протянул ей все стариковские деньги.

– Здесь не хватает, возьмите что-нибудь одно. Антибиотик нужен, а это лекарство потом купите, но средство очень хорошее, укрепляет организм. Моей маме очень помогло. Настоящее лекарство, немецкое. – Она выдала сдачу и коробку с лекарством, на которое хватило денег.

– А сколько это немецкое стоит? – зачем-то спросил Витька. Девушка назвала такую сумму, что он понял – надо пару дней работать на рынке и только в случае удачи можно такие деньги получить.

Вернувшись домой, он первым делом пошел к соседу и дал ему таблетку, воды. Показал сдачу и открыл шкаф, чтобы положить деньги на место. Наверное, он как-то неловко искал карман, но плащ сполз вниз, а под ним взгляду открылся парадный дедовский френч, сплошь увешанный орденами и медалями. В глаза будто огнем полыхнуло, захотелось зажмуриться. Витька некоторое время стоял как замороженный, потом торопливо прикрыл плащом геройские награды, положил на место оставшиеся деньги и пошел к себе. «Это ж надо, рядом живет воин-герой, а его даже в больницу не берут. И никто об этом не знает, – думал он, и вдруг его осеңило. Но он то, Витька, знает. Ну что ж, что алкаш, сердце у всех одинаковое, болеть должно о ближних своих. От соседей ждать нечего, на базаре тоже таких денег не соберешь, а лекарство купить надо, аптекарша сказала, что хорошее, немецкое, – и тут же осекся в своих мыслях. – Дед как раз с немцами и воевал, а теперь на их медикаменты их победителя денег не хватает». Витька опять зашагал по квартире в поисках выхода из положения. Он зашел на кухню и тут же обнаружил выход: взгляд его упал на старинный самовар – семейную реликвию, стоящий на шкафу под самым потолком. Этот самовар давно просил продать знакомый мужик

из соседнего дома, который иногда заходил к нему выпить, а деньги предлагал хорошие. Тогда Витька не соглашался, хотя самоваром не пользовался, но продавать память о родителях и дедах не желал. Но, видимо, время пришло, и он отправился узнать, дома ли покупатель. Тот сразу же пришел, выложил деньги и забрал самовар.

Витька явился в аптеку, будто совсем другой человек – уверенный и краткий в разговоре. «Девушка, мне дайте лекарство, которое вашей маме помогло. Вот деньги», – он выложил на прилавок означенную ранее сумму. По пути домой зашел в продуктовый, купил хлеба, молока и, немного подумав, взял курицу, картошку и вермишель, чтобы сварить соседу суп. Вспомнил, что мама всегда говорила – первое дело от простуды горячий куриный бульон. Безразлично миновал прилавок со спиртными напитками, даже разноцветные бутылки с пивом не привлекли его внимание. Все мысли поглотила забота о соседе-фронтовике.

Поставив варить курицу, Витька занялся уборкой. Давненько он не готовил и не кушал дома, а уборкой совсем не занимался. Пока убирал на кухне, взмок от напряжения похмельных сил, но справился с задачей, хотя пришлось вынести гору грязи и мусора. К тому времени суп сварился. Накормив старика супом и дав дозу лекарства, Витька успокоился, покушал сам, а потом продолжил уборку территории. На следующий день он продолжил занятия по уходу за больным стариком, тот уже охотно разговаривал и рассказал свою

историю. После ухода на пенсию и смерти жены он переехал жить в деревню, где купил дом. Жил огородом и садом, держал курочек и козу, но те благодатные земли приглянулись крупным бизнесменам и они по каким-то волчьим законам скупили все вокруг, вместе с домами, реками и лугами. Сюда его определил жить приемный сын, который и получил компенсацию за его дом и землю. Просто перевез сюда умирать. Грустно было слушать исповедь одинокого старика, но от его слов еще больше и неразумнее показалась Витьке его собственная неустроенность в жизни. Он посчитал деньги, вырученные от продажи самовара, и решил, что на пару недель хватит, а потом надо найти постоянную работу и завязать пить.

В конце недели, вечером к нему в дверь постучали. На пороге стоял Михалыч, бригадир артели, где Витька когда-то трудился. Он без приглашения вошел в дом, осмотрелся и сказал:

– Ты, я вижу, того, в порядке. Нам сварщики нужны позарез. Работы на сто лет, заработок стабильный. Обещаю. В понедельник приходи, – и он положил на стол визитку.

– Да я того... – начал было Витька, но Михалыч сразу уловил его мысль:

– Неделя на переподготовку, а там за работу. Голова есть, а руки навыки вспомнят.

– Михалыч, тут у меня сосед, фронтовик, болеет он, не могу его одного оставить, – вспомнил Витька.

– Пойдем, показывай своего героя, – чуть иронично приказал бригадир. Но когда Витька распахнул шкаф в комнате соседа и показал награды, Михалыч смачно выругался в адрес сразу всей медицины и схватился за телефон. После короткого разговора и уточнения адреса он сказал:

– Сейчас доктора приедут, осмотрят деда и заберут в нашу больницу лечить. У нас на фирме все свое и больница тоже. Будет жить дед. Не все еще на земле плохо, а мы в обиду тебя не дадим. Да, Витек, – и он так хлопнул Витьку по плечу, что тот даже присел. Он проводил Михалыча, опять зашел к соседу, чтобы подождать докторов, присел у его изголовья и подумал: «А правда ведь, не все так плохо на земле, если жить по-человечески».

Мы стали для них чужими

Елена Нимчук

Краснодар

Никогда не забуду

Моя мама, муж, я и наша немецкая овчарка Джерри только что прилетели из Мары в Ашхабад. Оставалось почти четыре часа до следующего рейса. Мама с вещами решила отдохнуть в зале ожидания. А мы пошли выгулять Джерри. Напоследок запечатлеть в памяти местное население в национальной одежде. Послушать их язык и вообще надышаться родным туркменским воздухом, которым я наслаждалась с рождения. Но распался Советский Союз, и когда-то простые, дружелюбные туркмены вдруг возненавидели русскоязычное население и внезапно забыли русский язык. И вот спешно, практически за бесценок, продав свою квартиру, пришлось бежать в Россию. Впереди трехчасовой перелет на Краснодар – и мы в безопасности. И было совсем не важно, что едем в никуда. Главное среди своих и никто не крикнет вслед: «Езжай своя Россия!» Радует, что туркмены, с которыми мы прожили много лет в одном доме, не поддались

этой «эпидемии». Мы тепло и с сожалением прощались с добрыми соседями. Билеты уже куплены. После консультации в окне справок отложили нужную сумму за перелет овчарки, а это были приличные деньги, почти среднемесячная зарплата. Остальные манаты потратили на сладости. Выстояв очередь у стойки, за час до вылета, подали документы для регистрации. Взвесив Джерри, нам выставили к оплате сумму, в три раза превышающую за эти же услуги предыдущую. Мы возмутились, но нам ответили, что при пересечении границы расценки уже международные.

– Девушка, но где же мы возьмем столько денег? Мы консультировались в окне справок...

– Вот идите и разбирайтесь туда.

– Какой толк. До вылета час. Собака не занимает кресло, она же в ногах будет. Ее не увидят и не услышат. Джерри, умри, – скомандовала я. Овчарка тут же на весах бездыханно упала. Трюк позабавил всех, кроме сотрудницы аэропорта.

– Девушка, миленькая, – пришлось унижаться, не бросать же Джерри в аэропорту. – Поставьте меньше вес, подгоните к этой сумме, пожалуйста, – я умоляюще сложила перед собою руки.

– Людей не задерживайте, – последовал грубый ответ.

А в очереди сочувствовали, но такие же, как и мы – вынужденные переселенцы, за ненадобностью от местной валюты избавились. Да и денег ни у кого не было. Последний год страна отоваривалась по карточкам. Пустые прилавки –

следствие долгожданной независимости правящей верхушки. Хранить старые советские деньги смысла не было, в России ходили в обороте уже новые, которых в Туркменистане и не видели. Доллары исчезли из банков страны еще перед развалом Советского Союза. Менять на манаты было нечего.

– Вставай, Джерри.

Джерри поднялась и почему-то заскулила. Не знаю, понимала ли она, что решается ее судьба или просто чувствовала беду, но посмотрев в грустные собачьи глаза, я расплакалась. Но ни мои слезы, ни жалобный скулеж Джерри не растопили сердце девушки за стойкой. Кто-то посоветовал обратиться к начальнику аэропорта, куда мы и побежали с мужем и Джерри, не теряя драгоценного времени. Тот что-то сердито проговорил на своем и указал на дверь. Что же делать? Хоть милостыню проси. Плюнув на приличия и стыд, мы выбежали на площадь перед аэропортом. Подбегали к туркменам, указывая на жалобно смотрящую собаку, объясняли ситуацию, предлагали купить ручные музыкальные часы мужа. Я пожалела о любви к серебру. Среди местного населения ценились только золотые украшения, но в данной ситуации мы готовы были расстаться даже с обручальными кольцами. Но одни, делая вид, что не понимают русского, злорадствовали. У других такой крупной суммы не нашлось. Времени не оставалось, пора идти на посадку. Был только один вариант – найти любимой питомице нового хозяина и прощаться. Подумав, мы решили обратиться к продавцам ларьков, там-

то уж точно местные работают. Понятно, что Джерри немецкая дрессированная овчарка, с документами, но ей уже два года и не каждый решится взять взрослую собаку. Из одного ларька к нам вдруг подошел молодой парень, туркмен. На чистом русском пояснил, что видел, как мы бегали в поиске денег, и слышал нашу историю. Вложив мужу в руки стопку манатов, сказал, что здесь вся сумма, и пошел в ларек. Мы не сразу поняли, что произошло. Джерри, словно почувствовав свое спасение, безудержно виляя хвостом, потянула поводок за парнем. Придя в себя, мы догнали его. От счастья я еще больше расплакалась. С трудом выговаривая слова благодарности, обняла парня. Муж снял часы, протянул незнакомцу, но тот категорично отказался. Парень стеснялся своего благородного поступка. Ему было неловко. Настоящий мужчина. Вдруг мы услышали свои имена. Кричала мама. Размахивая билетами, показывала, что опаздываем на посадку. Джерри сама подала лапу своему спасителю – на счастье. Только эту «награду» с удовольствием принял наш благодетель, у которого в суматохе мы не спросили даже имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.